

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

18+

ВЕДЬМА.
ПРОБУЖДЕНИЕ

Галина Валентиновна Череди́й

Ведьма. Пробуждение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67318314

SelfPub; 2022

Аннотация

К чему может привести банальная просьба заболевшей коллеги навестить ее пожилую родственницу? Потерей времени? Возвращением домой на пару часов позже? Как бы не так! Для меня это обернулось пережитым страхом и отнюдь не желанным знакомством с миром, чьи законы в корне отличаются от привычного. Он населен массой странных и по большей части опасных существ, и я, оказывается, его часть, хоть и не подозревала об этом никогда. И, судя по всему, после этого неприятного открытия обратной дороги для меня нет. Придется учиться выживать в этом мире не людей, искать союзников или хотя бы тех, в чьи планы не входит убить тебя или использовать.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	55
Глава 7	65
Глава 8	76
Глава 9	87
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Галина Череди́й

Ведьма. Пробуждение

Глава 1

Бывают в жизни дни, что меняют ее радикально. Только распознать их заранее, к сожалению, нельзя. Распознать и просто не выходить из дома. Если, конечно, можешь себе позволить такую роскошь – плюнуть на работу всего лишь потому, что тебя посетили некие недобрые предчувствия или приснился дурной сон. Вот лично я своих снов вообще не помню последние пару месяцев. С тех пор, как устроилась на работу. Официальную, в большом офисе международной компании, с белой хорошей зарплатой, перспективами карьерного роста и щедрыми ежеквартальными премиями. Правда, последние три пункта пока мне всего лишь обещаны, но надежда – наше все. То есть зарплата вполне себе ничего, из разряда «можно жить», но вот зимние сапоги и новое пальто придется брать в рассрочку. Но я не жалуясь, не-а. Ни на зарплату, ни на задержки иногда чуть не до ночи, ни на что вообще. Не работа мечты, второй помощник руководителя, а по факту – девочка на побегушках у секретарши, она же официальная любовница директора, но у меня же вся жизнь впереди, да? И для иногородней девочки без

роду-племени, высшего образования, опыта и рекомендаций от прошлых работодателей и это супер.

– Казанцева, ну, блин, где ты там? – всверлился в мой мозг визгливый голос Надежды Ерофеевой, она же и есть та самая секретарша, у которой я на посылках. – Там тигреныш мой рвет и мечет. Орет на меня по телефону, что ему нужен какой-то там дурацкий договор, который он просил меня распечатать. Типа дел у меня других нет все помнить про его бумажки.

– Договор с «Эр-групп» или на охрану наших объектов с ЧОО «Гладиатор»?

– Ты издеваешься, – прозвучало даже не вопросом, а почти утверждением.

Самую малость, если честно. Потому как считаю, что брать на должность первого помощника руководителя серьезной кампании человека, все таланты коего распространяются исключительно в околосексуальной плоскости, чтобы иметь возможность официально таскать ее за собой по командировкам и развлекаться в рабочее время, очень непрофессионально и может закончиться плачевно для самого такого руководителя. Но на мое мнение всем плевать, тем более когда в данном случае этот шаловливый руководитель – племянник одного из главных акционеров всей фирмы. Так что...

– Нет, Надь, я не издеваюсь. Скажи Владимиру Сергеевичу, что я уже перед зданием и через пять минут буду на ра-

бочем месте. – Угу, в отличие от тебя. – И разберусь с бумагами.

– Ну хорошо. Я чуть припоздаю. На часик. – Да-да, хорошо, если появится к обеду. – У меня неотложное дело. – Маникюр? Массаж? Шугаринг? Срочная распродажа? Хотя нет. Следить за распродажами – удел простых смертных вторых помощников руководителя.

«Припоздала» Наденька на весь день, не впервые, впрочем. Причем второй раз она мне соизволила позвонить уже около двух дня, язык у нее изрядно заплетался, и оборвала она сеанс нашей коммуникации внезапно, не закончив явно глубочайшую мысль, которую пыталась донести под такое же пьяное хихиканье своих подруг на заднем плане. И это в среду в разгар рабочего дня.

И нет, я не завидую. Я злюсь. Потому как свою немеренно глубокую мысль вкупе с хорошо ухоженным роскошным телом она, похоже, не донесла не только до меня. Судя по реву шефа, ему этой благодати тоже не хватило и, как следствие, срывался он на мне. Так что к моменту его отбытия из офиса ровно в семнадцать нуль-нуль я уже ног не чуяла под собой, и голова моя звенела, как колокол. При этом мне пока покинуть рабочее место не светило, ибо шеф, пребывающий в гневе, одарил меня заданиями и поручениями, что ту Золушку злая мачеха. Вот интересно, по законам сказок мне должен после всех мучений принц какой обломиться? Такой хотя бы из самых простеньких, я не привереда. Но об-

ломилось мне только обзавестись просьбой от коллеги. Уже когда с облегченным вздохом я втащила свое брренное тельце в сверкающий хромом и беспардонно тыкающий меня собственным унылым видом в зеркала лифт, затрезвонил смартфон.

– Да, Ир, – ответила я и отдернула тут же трубку от уха, потому как на том конце зашлись в долгом приступе кашля.

Вот же беда, еще один хороший человек не устоял перед сезонным вирусом! Почему хороший? Потому что Ирка была практически единственным нормальным человеком в этом пристанище большого бизнеса, сплетен и закулисной грызни. Без понятия, почему все невзлюбили меня с первого же дня, но так и было. Подозреваю, что дело было не во мне, а в самой должности. Ее-то ввели только что, и мне свезло быть первой, кому она досталась. А для всех в офисе, конечно, не секрет почему в принципе сия вакансия возникла. Потому что первая помощница руководителя занималась отнюдь не той деятельностью, что хоть как-то связана с процветанием данного бизнеса. Она не занималась, а крайней для всех была я. Это к вопросу о вселенской справедливости в общем и местной, внутри коллективной, в частности.

– Люсь, ты еще в офисе? – прохрипела Ирка после бронхиального вступления.

– Как раз вниз спускаюсь. Ты что, заболела? Я вроде тебя с утра видела.

– Ага, с утра все норм было, а после обеда темпа подско-

чила и колбасить жутко начало. — И она опять закашлялась. — Люсь, мне дико неудобно... — новый приступ с сипом и почти бульканьем, — но мне и попросить больше некого, а сама не доползу.

Я вздохнула, посмотрев в потолок лифта, который уже остановился на первом этаже.

— Что нужно? Лекарств тебе привезти? — Я с удовольствием. И приду, и заражусь. Больничный на недельку мне сейчас почти в радость.

— Не мне... — Ирка перешла на маловнятный хрип. — У меня бабуля в старой части города... Я должна ей продуктов была сегодня отвезти, а тут такое... Люсь, она старенькая совсем и еле-еле в пределах дома передвигается...

— А доставка? — попыталась я вяло откорячиться.

— Да не откроет она никому чужому. Паранойя старческая.

— А как же я тогда...

— Да запросто! — Мне, может, и показалось, но в динамике резко стало меньше хрипов. — Ты возьми ключ от ее дома в моем столе. В самом нижнем ящике незапертом. Он там один только и лежит, не спутаешь ни с чем. Я тебе список продуктов сообщением скину и денежку перечислю. Прости, что напрягаю так. Прости, а?

Вот какая бы мысль посетила человека в здравом уме первой? Например, почему Ирка держала ключ от дома родственницы в столе, а не там же, где и от своей квартиры, если предполагалось, что она сегодня собирается к ней. Или

могло насторожить то оживление, что зазвучало на том конце. Или же, наконец, это двойное «прости», что прямо-таки вынудило ответить:

– Да прощаю, конечно, ты чего, Ир? – С каким же облегчением она там выдохнула. Или это почудилось? Не важно. Не напрягло меня ничего, вот что главное. И поэтому я и нажала кнопку на панели управления лифта, отправляясь обратно наверх.

В отделе статистики я застала только Марусю, которая вскинула на меня удивленные глаза, сверкнув стёклами толстых линз на очках. Вот кого на фирме тюкали едва ли не больше меня. Удел всех новеньких.

– Никого нет уже, – заморгала девушка часто. – А я тут доделываю кое-что.

– Угу, понимаю. Меня Ирка просила ключ у нее в столе взять, – сообщила я, подходя к рабочему месту коллеги. – Она заболела, а нужно ее бабушке продуктов отвезти.

– О, это, наверное, той, что ей полдня названивала, – ожилилась Маруся. – Орала на нее так, что бедная Ирка в коридор выскочила сразу, а потом и не отвечала уже. Видно, на нервной почве ее и доконало, кашель такой начался и насморк жуткий. Наталья Семеновна ее аж из своего кабинета услышала и домой отправила, чтобы не заражала и клиентов не распугивала.

Я как раз выдвинула нижний ящик стола и увидела, что он совершенно пуст.

– Хм... – я наклонилась пониже, заглядывая вглубь. Сунула даже руку, и тут меня вдруг что-то как ужалило – Ай! Что за!..

Я затрясла кистью, но боль исчезла так же быстро, как и возникла, зато ключ нашелся. Он, видимо, лежал под дальней стенкой ящика и, когда я дернулась, нарвавшись, похоже, на иголку какую-то, показался на свет.

– Вот, взяла, – продемонстрировала я Марусе удивительно увесистый и длинный ключ, с причудливым навершием в виде полого шара. Внешняя часть его была изрезана узкими щелями и усыпана наваренными пупырышками, создавая очень красивый и сложный рисунок. А еще очень похоже, весь ключ был из серебра.

– О, прикольная штука, – изумилась Маруся. – Никогда его не видела у Ирины Федоровны.

Я только пожала плечами. Понятно теперь, чего Ирка не носила этот ключ на связке, вместе со всеми. Его же никак на нее не присобачишь. Нет под это отверстий. Но, с другой стороны, вещь-то чуть ли не антикварной выглядит, разве можно ее вот так бросать в открытом ящике стола? Вряд ли свои потянут, но ведь народу много мимо ходит. Хотя, может, это просто какая-то дешевая стилизованная под старину подделка. Я в таком не разбираюсь.

– Все, побежала, – махнула я рукой Марусе и потопала к лифту.

Час пик был уже позади, нормальные люди дома ужинают,

одна я в трамвае черт-те куда трясусь. Найти указанный в Иркином сообщении адрес сразу не вышло. Прошла по тихой улице туда, обратно, и никакого Голубинового тупика не нашла. Набрала ее, и Ирка ответила моментально.

– Ир, я не могу найти...

– Ты ключ достала? – перебила она меня.

– Что? При чем тут...

– Достала или нет?

Я сунула руку во внутренний карман куртки и выудила припрятанный подальше на всякий пожарный ключ, придерживая телефон плечом у уха. И только подняла глаза, как охнула. В десяти шагах от меня виднелась темная арка, над которой красовалась какая-то очень уж тусклая табличка, гласившая, что это и есть Голубиный тупик. Я моргнула, не понимая. Ну ладно саму табличку могла пропустить, но арку-то... Но опять же, темно тут, вон один фонарь в начале квартала, а другой черт-те где от него. Да бог с ним. Побystрее бы уже отстреляться.

– Нашла, – сообщила я Ирке. – Мрачненько тут, однако.

– Прости, Люсь. Прости.

– Да что ты заладила! – возмутилась я, но моя собеседница уже отключилась.

Включила фонарик на смартфоне и шагнула под арку. Вздрогнула, ощутив, будто вмиг пробрало сквозняком. Хотя в таких местах это в порядке вещей. Пройти пришлось всего-то шагов десять, прежде чем я наткнулась на глухую

стену, кирпичи в которой в свете фонарика выглядели почти бордовыми, против обычных рыже-оранжевых. И дверь тут нашлась. Под стать ключу. Деревянная. Причем создавалось впечатление, что из одного цельного куска дерева. С маленьким зарешеченным смотровым окошком, наглухо закрытым с той стороны и массивным окладом вокруг замочной скважины.

– Блин, средневековые какое-то, – пробормотала я, нащаривая отверстие ключом. – И не знала, что тут когда-то так строили.

Впрочем, это может быть уже и новодел. Богатых людей с причудами хоть отбавляй. Купят старое здание целиком и давай его приукрашивать на свой странноватый вкус. А есть и те, кто с нуля, но под старину строят. Когда денег хватает, то чего бы и не поизвращаться. Постучав для порядка, я повернула ключ и толкнула тяжелую, туго поддающуюся дверь. Ожидала даже зловещего скрипа, но нет, открывалась она хоть и с трудом, но бесшумно. Узкий лучик фонарика выхватил из густой темноты каменную лестницу, что началась буквально в паре шагов впереди и уходила довольно круто вверх между двумя глухими стенами.

– Здравствуйте! – Блин, вот я бестолочь, даже не спросила у Ирки, как имя-отчество ее бабушки. – Я Люся, меня прислала Ир...

Я шагнула вперед, как вдруг что-то холодное жестко обхватило мою лодыжку прямо над голенищем низкого ботин-

ка и сжало с такой силой, что я зашлась в истошном визге от боли и ужаса. И в унисон с моим воплем между стенами в темноте заметался кошмарный утробный стон.

Глава 2

Телефон вывалился из моей руки, я рванулась вправо, продолжая надсаживать горло, но то, что схватило меня, и не думало отпускать. Каблук подломился, и, потеряв равновесие, я грохнулась на бок, пребольно вмазываясь в невидимую стену плечом, и сползла вниз. Задергала ногами, пытаясь отбиться, но безуспешно. Меня все так же крепко что-то держало или, точнее уж, кто-то, учитывая, что сквозь сплошную пелену паники я таки расслышала в том жутком замогильном стоне едва узнаваемое «Ирэна-а-а-а». Замерев на пару вдохов, я чудом смогла одолеть удушливый страх, хоть сердце и болело от него.

– Эй! Кто здесь? – ничего умнее сказать в голову не пришло, и я нашла глазами единственное пятно мутного света тут – мой упавший фонариком вниз телефон, лежавший в метре от меня.

Быстро извернувшись, дотягиваясь до него, перевернула, ослепив себя же лучом, и, часто моргая, направила его на свою ногу. В помещении снова раздались вопли. Мой – от того, что я увидела, и жуткой окровавленной старухи, лежавшей рядом на полу, что, оказывается, и сцепила свои костлявые пальцы на моей лодыжке, как капкан. Едва свет попал на ее лицо, прямо в широко распахнутые глаза, она и завизжала, впрочем сразу захлебнувшись, и, захрипев, начала

пускать кровавые пузыри изо рта. Мне почудилось сначала, что сейчас просто отключусь с перепугу, но этого не случилось, зато стало приходить четкое понимание ситуации, в которой я очутилась. Рука с телефоном дрожала, луч метался, выхватывая все больше пугающих подробностей: гротескно уродливые и перекошенные в агонии черты лица пострадавшей, лужу крови под ней и ее же широкую темную дорожку до лестницы и вверх, откуда бедняжка, видимо, ползла, всякие железки, напоминающие средневековые орудия пыток, по стенам. Но вот самого страха в его первоначальном виде становилось стремительно меньше. Разум быстро брал верх над первобытным ужасом.

– Вы меня слышите? – села я ровнее, стараясь светить уже не в лицо бедняжке. – Держитесь, я сейчас помощь вызову.

И тут же взялась тыкать в экран, собираясь вызвать скорую. Но гаджет только жалобно пиликнул, сообщая, что сети он не видит.

– Ирэ-э-эна-а-а-а! – снова прохрипела бабка коллеги. – Не могу-у-у-у больше-е-е-е! Где-е-е?!

– Ирина не смогла приехать. Она забо...

– Не могу-у-у-у-у больше! Больно-о-о-о!

У меня внутри все сжалось от сочувствия от этого хрипа. Какие же муки она терпит, а я тут медлю.

– Послушайте, вам нужно отпустить меня, чтобы я могла привести кого-нибудь на помощь! – Я решительно потянулась к пальцам женщины на моей лодыжке, намереваясь от-

цепить и побежать на улицу. – Здесь не ло... Ай!

Только что лежавшая почти трупом и хрипевшая пожилая женщина молниеносно вцепилась в мою кисть, выбивая телефон, и дернула на себя. Извернувшись диким образом, подминала меня под себя, снова повергая в безумие происходящего еще глубже.

– Вы что... – взвизгнула я, брыкнувшись под ее неожиданно огромной тяжестью.

– Не Ирэна... Но не могу... Не могу больше... – просипела она и навалилась мне на грудь, выжимая весь воздух, и заткнула меня, прижавшись своим ртом к моему.

Вот тут я уже заистерила, забившись от паники и отвращения одновременно, но последнее мигом перестало иметь значение, когда из меня будто кто-то все внутренности потянул. Я себя вмиг ощутила какой-то пластиковой бутылкой, из которой высасывают содержимое, заставляя сплющиваться. Как по-другому и описать происходящее – я без понятия, но страшно и больно было адски. Благо длилось всего несколько мгновений, но и этого хватило для того, чтобы разум помутился и почудилось, что сейчас ребра начнут ломаться внутрь, словно сухие ветки. Бабка оторвалась от моего рта, ее сейчас почему-то прекрасно видимое в недавней крошечной темноте уродливое лицо исказилось еще жутче.

– Родовая-а-а-а-а! – заревела она, будто была озверевшим медведем, и стала валиться с меня, но тут ее словно притянуло обратно.

Поток жидкого пламени хлынул теперь из нее в меня, тело изогнуло дугой в конвульсии, где-то сверху, похоже, под потолком закрипело, загрохотало, застонало, как если бы невидимый потолок собирался на нас рухнуть, перед глазами бахнуло фейерверком, выжигая их. Я колотила руками и ногами куда ни попадя, билась сама, и раз за разом в меня било пламенными импульсами, в ушах раздался безумный вой, стремительно переходящий в истошный запредельный визг, сверху трещало все громче, перед глазами полыхало не переставая и все ярче-ярче-ярче. А потом раз – и все.

Очнулась я опять же на полу, в темноте, в которой, однако, уже могла запросто различать и очертания самого помещения, и лестницу, ведущую наверх, и так и брошенную мною настежь открытую дверь. И, к сожалению, и скрюченное тело чокнутой бабки, лежащей недвижимо рядом, тоже.

– Господи! – резко села, в голове поплыло, и я отползла, толкаясь каблуками в пол.

Все тело отозвалось острыми искрами боли, в ушах гудело, как будто рядом работал трансформатор, желудок сводило от тошноты, а мозги коротило от усилий понять случившиеся.

– Что за безумие, – пробормотала, хватаясь за виски ладонями, но тут же их отдернула, ощутив на лбу противную липкую влагу. – Да что же это...

– Вот холера, опоздал, – раздался незнакомый мужской голос, и я, дернув головой, увидела чей-то силуэт в дверном

проеме. – Невезуха, однако.

– Помогите! – подорвалась я с пола. – Тут женщине плохо!

– Плохо, говоришь? – хмыкнул пришелец, и раздался звук, более всего похожий на щелчок пальцев. Вспыхнул свет, и мне пришлось прищуриться. – Это кто же ты у нас такая, а? И как сюда попала?

– Я случайно... Боже-е-е! – проморгавшись, я смогла-таки разглядеть всю картину катастрофы.

Старуха распростерлась на полу, теперь уже без всякого сомнения, что абсолютно мертвая, кровь была повсюду: дорожка на ступенях лестницы, отпечатки ладоней на стенах, весь пол изгваздан вокруг нее и меня, и, само собой, я вся была в той же жуткой телесной жидкости. Вся! Начиная от ботинок и заканчивая лицом, учитывая, что я уже чувствовала противное стягивание на коже. Господи, да я наверняка как людоедка выгляжу, растерзавшая несчастную старушку! У нее же кровь изо рта текла, когда она меня им... Что, блин, она-то делала?

– Это не я! Ее, – торопливо заверила я незнакомца, что смотрел на меня с любопытством и скепсисом одновременно. Высокий, плечистый, черноволосый, темноглазый, с правильными чертами лица. Будь обстоятельства другими, я бы смутилась, потому что в обществе привлекательных мужчин всегда чувствовала себя неловко. Вечно ловила себя на том, что или пялюсь на них, как дурочка одичалая, или же, наоборот, не могу и глаз поднять. И то и это меня вгоняло в жут-

кую неловкость, ведь казалось, они это прекрасно видят. — Я здесь случайно оказалась.

— Случайно? — приподнял красавец одну бровь. — Да ладно?

— То есть... Нет, конечно, не совсем случайно. — Черт, глядел он крайне недоверчиво, а мне почему-то стыдно стало, что он сочтет меня лгуньей.

Стыдно, хотя по логике должно стать страшно. Сейчас вызовет полицию и сдаст меня как убийцу, застигнутую на месте преступления над еще не остывшим трупом. И как я докажу, что не верблюд?

— Да ясное дело, — фыркнул он и шагнул ближе, уставившись мне в глаза, и пробормотал: — А может, и не опоздал...

— Меня Ирина, внучка... эм-м-м... не знаю имени отчества, к сожалению, женщины, попросила зайти и занести ей продукты, — стала торопливо и, почему-то теряя слегка мысль, объяснять я. — Она заболела внезапно. Ирина. Ключ мне дала. То есть я его взяла из ее стола, она мне по телефону сказала где. Я пришла, а тут весь этот ужас.

— Ужа-а-ас! — чуть протянул он, как мне показалось, с легкой насмешкой и шагнул еще чуть ближе, слегка наклоняя голову набок. Черт, ну какой же он все же красивый! Я таких и не видела никогда. Вблизи и в живую уж точно.

— Да, ужа-а-ас, — подтвердила я, почему-то вторя его манере. — Я зашла, темно, никого, и тут она меня как схватила за ногу. А потом...

– Пото-о-ом! – он, продолжая удерживать мой взгляд своим, медленно протянул руку к моему лицу и повторил: – По-о-отом. Все по-о-о-том. Поцелуй меня. Ты ведь хочешь.

– Хочу, – подтвердила я, потому что именно этого и захотела внезапно просто невыносимо. Вот не поцелую его – и умру на месте.

– Иди ко мне, глупенькая девочка, – улыбнулся он безумно искушающе. – Поцелуй, ну же.

В голове стало пусто-пусто, тело наполнилось колкими разрядами возбуждения, почувствовалось невесомым и отяжелевшим от желания одновременно. Мизерное расстояние между нами почудилось мучением, а то, что он не приближался ни на сантиметр, – изощренным истязанием. Почему он медлит? Почему не приближается?

А вот и правда, почему?

Я моргнула, а брюнет, вскруживший мне голову, ухмыльнулся порочно и руку опустил.

– Эх, проклятье, а ведь почти получилось, – заявил он, пляясь теперь откровенно насмешливо. – Вот напрасно ты опаматовалась, девочка. Ну на что тебе сила эта? Вся жизнь же пойдет под откос. Отдай ее добровольно, а? Ты мне силу, а я тебе хорошо сделаю. О-о-очень хорошо, никто так не сможет, клянусь.

– Вы кто? – возбуждение быстро рассеивалось, вытесняемое страхом, и я бочком вдоль стены стала отступать от красавца. Кстати, не такой уж он и красавец. Привлекательный,

да, но ведь не такой же, чтобы все мозги растерять вмиг. Что происходит-то? Что за дурдом на выезде с момента, как я переступила здешний чертов порог?!

– Да не все ли тебе равно, девочка? – не стал преследовать меня загадочный брюнет, отслеживая исключительно взглядом. – Поверь мне, в спонтанном сексе с незнакомцем куда больше пикантности и страсти, чем в обычном с долгими обхаживаниями. Так как насчет обмена силы на удовольствие, пока поздно не стало, м? Ночь пройдет, утро настанет, и все закончится. И останутся у тебя только приятные воспоминания и никаких неприятностей впредь.

– Благодарю за столь щедрое предложение, но я предпочту отказаться.

Понятия не имею, о какой там силе он речь ведет, но сам факт подобного предложения однозначно указывает на то, что у мужчины с головой не все в порядке.

– Жаль, жаль, – как-то очень уж слишком тяжело вздохнул он, продолжая пялиться неотрывно. И чего же он ухмыляется так? – Или хочешь, я тебя навещать иногда стану? Поверь, ночь со мной и раз в год будет стоять всех ночей с твоими человеческими любовниками за всю жизнь.

– Свежо предание, да верится с трудом! – вырвалось у меня неожиданно, и я даже воздух хватанула в изумлении. Я так-то вообще-то разговоров столь фривольного свойства еще никогда в жизни не вела. Уж тем более с незнакомцами.

– Не веришь? – шагнул он ко мне опять и вжикнул мол-

нией на своей черной кожанке. — Готов доказать свою правоту сию же минуту. Причем первая демонстрация будет за просто так. Чисто удовольствия для обоих.

— Да вы больной? — шарахнулась я от него, наткнулась на что-то, оно подалось, лязгнуло, я замахала руками, ловя равновесие. Озабоченный псих поймал меня за запястье, удержав от нового падения, зато за моей спиной жутко загрохотало. Я сначала испуганно вжала голову в плечи, а потом зыркнула на источник шума. Натолкнулась я, выходит, на стоявший у стены рыцарский доспех. Он-то и рухнул, создав весь этот шум.

— С чего это ты решила отнести наличие нормального для моего возраста и пола сексуального влечения к болезням? — продолжая все так же, как ни в чем не бывало кривить рот в усмешке, осведомился незнакомец.

— Потому что кто в своем уме способен предложить такое в подобных обстоятельствах?

— А что не так?

— А ничего что здесь труп пожилой женщины и я вся в крови и вообще... — у меня от возмущения все слова кончились.

Глава 3

– Ведьма умерла, время ее пришло, – пожал он плечами, коротко и безразлично глянув на тело. – Мы зато живы. А кровь... знаешь ли, если ты намерена все же опрометчиво оставить ее силу себе, то к этой субстанции тебе стоит привыкать сразу. Ваша сестра ее имеет обыкновение лить, что ту водицу.

– Ведьма... – Я прищурилась, вглядываясь в его нахальную физиономию еще пристальнее. Издевается, или действительно мое предположение о его психическом здоровье верно? – Знаете, я думаю, что нам сейчас первым делом нужно вызвать сюда правоохранительные органы. – А потом и скорую психиатрическую, но об этом помолчу.

– Да чего их вызывать, – отмахнулся мужчина и скривился, глянул на массивные часы на своем запястье. – Рогнеда ведьма была той еще мощи, выброс шарахнул будь здоров, меня вон чуть с ног не сшибло. Будут эти самые органы тут максимум через минут двадцать. И ка-а-ак возьмут тебя в оборот, девочка. Так что ты еще разок хорошенько подумай, еще успеть можем. По согласию – оно дело недолгое. А уж потом я тебя отблагодарю по полной, пожалуй не придется, – и он опять похабно мне подмигнул и уже до конца растянул куртку, продемонстрировав рельефную грудь, обтянутую черной футболкой с принтом в виде черепа и всяких

символов вокруг.

– Не слушай его, новая хозяйка! – раздался откуда-то сверху бархатистый мужской голос. – А ты проваливай отседова, охальник беспардонный! Ишь ты, примчался он, что тот ворон на падаль!

Я метнулась взглядом на звук, да так и зависла. На лестнице стоял Ален Делон. Серьезно. Не в смысле кто-то на него очень похожий. Не-а. Это был он, точь-в-точь, причем в свои лучшие молодые годы, когда его взгляд с экрана заставлял останавливаться миллионы женских сердец. В свете новой толерантной реальности нужно признать, что наверняка не только женских, но это не суть. Главное, моя мамуля была его поклонницей, и с детских лет мне приходилось смотреть фильмы с его участием куда чаще мультиков, так что ошибиться я никак не могла бы.

– О-бал-деть! – прошептала я потрясенно, проходясь глазами по его белоснежной шелковой рубашке с широкими рукавами и какими-то рюшками, прямо как в каком-то из фильмов. Так, похоже, скорая нужна совсем не мужику этому озабоченному.

– Ты на кого голос подаешь, шавка ты подкроватная! – мигом переменившись в лице и развернувшись к новому персонажу, прорычал мой несостоявшийся соблазнитель. – А ну пшел работой своей заниматься, холоп! Вон бардак приberi да бывшую хозяйку упокой как ей положено. А мы тут сами, без тебя, разберемся!

– А ты мне, чай, не владыка, чтобы я тебя слушал. И хозяйки, ни прошлая, ни новая, тебя по чести в гости не звали. Так что проваливай отседова по добру по здорову, ведьмак бродячий! Шиш тебе без масла, а не силой разжиться на дурницу! Родовая новая хозяйка моя!

Ален Делон, говорящий как какой-то деревенский лапотник из прошлого... а нет, позапрошлого века! Все, грузите и выносите меня. А может, я и так в отключке, и это все глюки?

– Брешешь, пес блохастый! – огрызнулся приставучий наглец.

– Сам ты шакал окаянный! А я своими ушами все слышивал и глазами видывал! Моя хозяйка выпить хотела новую, чтобы, значит, до преемницы своей добраться успеть, а вышло все наоборот. Ее саму-то родовая эта всю и прибрала до капельки. А по-другому как? По-другому и быть не может.

– Вот, значит, как, – брюнет повернулся ко мне и нехорошо так прищурился, уставившись на окончательно офиgevшую меня. – А я-то дурак купился на твое личико наивно-перепуганное! А ты и меня хотела...

Вот сейчас он будет меня убивать, подумалось неожиданно, и откуда-то я знала, что так оно и есть. Темные глаза мужчины полыхнули желтым пламенем, и он оскалился уже не в похотливой, а плотоядной ухмылке. На горле как железные пальцы начали сжиматься, а по ребрам будто ножом полоснуло, совсем близко к сердцу. Я попыталась рвануться с места, но ни одна мышца не слушалась.

– Все равно по-моему выйдет, – пробормотал мужик, шагнул ко мне. – Не по жизни, так по смерти забе...

– Ах ты окаем беззаконный! – взревела копия французского актера и, слетев с лестницы, он вмазался плечом в бок брютета, отбрасывая того к стене. – В своем же дому!

Врезался агрессор не просто в камень, а в щит деревянный, на котором было прикреплено множество тех самых жутковатых приспособ, чье назначение наводило мысли о пытках и инквизиции. Тот не удержался на месте и сорвался, роняя железяки и погребая под собой мужчину. Божечки, надеюсь, трупов в данном помещении не стало сейчас больше. Этот мерзавец хоть и напугал меня, пытался охмурить каким-то непонятным образом, а в конце и убить, может, собрался, но я-то не он и помереть ему не желала. Хватит с меня на сегодня покойников.

– О ну надо же, мы как раз вовремя подоспели, Полина Ивановна. – В дверях появились два новых действующих лица. Мужчина и женщина на этот раз. – К самому началу веселья.

А я осознала, что меня уже не душат, и тело мне снова послушно.

– Ой! – смешно-пискляво выдал Ален Делон и исчез, оставляя меня пялиться на разгром и новичков.

– Хм... – прокомментировал этот его фокус, пришелец мужского пола, высоченный молодой мужчина, стриженный почти под ноль и с жестковатыми, но правильными чертами

лица и какой-то особой выправкой, что выдает обычно военных, бывших или действующих. Он посмотрел на названного ведьмаком, что выбирался уже из-под ломаных досок и железок, а потом перевел взгляд на меня и повторился: — Хм...

Как мне показалось, он ожидал увидеть вместо меня кого-то другого и был удивлен, хотя и не особенно показал это.

— Ну, присутствие общеизвестного собирателя чужой силы вполне объяснимо и ожидаемо, а вы кто будете, милая барышня?

— Приветствую работников наших доблестных органов! — насмешливо ответил уже совсем выбравшийся из-под завала визитер номер один. — Как ваше ничего? Руки все так же холодны, голова пуста и чиста, а сердце бьется горячо? Или я что-то перепутал?

— Захлопни пасть, ведьмак, — процедила сквозь зубы женщина, переключив на себя мое внимание. Ибо эта грубость никак не вязалась с ее образом утонченной хрупкой блондинки с аристократическими филигранными чертами лица и такой же величественной осанкой. Ого, на такую мужики наверняка не то что все поголовно оборачиваются, они с ходу ей под ноги штабелями, небось, падают.

Ведмак явно собрался что-то ей ответить, но я решила, что пора мне убираться из этого дурдома.

— Вы полицейский? — спросила я у верзилы.

— Я — да, а кто вы — все еще не знаю, — уголок его рта дер-

нулся в подобии улыбки, хотя во взгляде не было и намека на юмор. Смотрел как целился.

– Меня зовут Людмила Казанцева, и я здесь, – коротко глянула в сторону мертвого тела, – ни при чем. Меня коллега на работе попросила завезти ее бабушке продукты, потому что сама заболела, понимаете? Я пришла, дверь открыла. Ключ мне тоже коллега сказала, где взять. Так вот, я открыла, зашла, а тут эта женщина меня за ногу схватила. Я испугалась, упала, потом рассмотрела, что она вся в крови. Но я не могла никак ее поранить, понимаете? Это кто-то до меня сделал. Я помощь хотела вызвать, а телефон не ловил. Заговорила с ней, а она напала на меня. Я вырывалась, чуть не задохнулась, а потом все закончилось. А потом он при...

– Силу тебе передала? – бесцеремонно прервала мои объяснения блондинка, коротко глянув на меня с просто беспредельным презрением.

– Не понимаю, о чем вы, – ответила ей, разозлившись неожиданно сильно. – Послушайте, мне домой надо. Давайте я вам подпишу, что там полагается в таких случаях, оставлю контакт...

– Валить ее надо, пока бед не натворила, – снова оборвала меня неприятная женщина, даже не глядя.

Красивая-то она красивая, но эта печать отвращения и высокомерия на ее лице портила его ужасно.

– Ишь чего удумала! Права не имеете, – неожиданно вступился за меня ведьмак. – Пока она ничем закон не престу-

пила, нет у вас власти жизни ее лишать.

– Не лезь не в свое дело, ведьмак, – зыркнула на него блондинка зло. – У нас есть право признать ее потенциально опасной и устранить.

– Да как же, есть! – возмущенно ткнул в нее пальцем ведьмак. – Беззаконие это! А вы поставлены закон как раз соблюдать! Объявят они!

– Тебе какое дело? – прищурилась гадкая баба.

– А такое! Сегодня ее, а завтра любого всякого из наших хватать себе позвольте и в расход по своему усмотрению?

– Да она еще не ваша, чего ты пенишься! Не Солнцу уже, не Луне еще!

– Без разницы! Вам же лишь бы начать!

– Она необученная преемница, так что вероятность того, что сила ее переломает, и она пойдет творить жуть по улицам, очень высока, – упиралась на своем поклонница радикальных мер, а я всерьез уже стала подумывать о том, чтобы швырнуть в нее и верзилу чем под руку подвернется и ломануться отсюда со всех ног. – Лучше ее одну сейчас завалить без осложнений и шума, чем потом по трупам, которые она станет за собой оставлять, гоняться.

– Что?! – взвизгнула я, не выдержав всего этого бреда. – Вы в своем уме? Какие трупы?

– Она родовая! Не сможет ее сила какой-то наученной переломать, – огрызнулся ведьмак с таким видом, будто был уверен, что утер нос оппонентке. – К тому же я ей уже сделал

предложение забрать полученное. И она согласилась.

– Родовая, наученная – все погань одна. Все вы, подлунные, погань. Косить вас без разбору надо.

– А косилка-то потянет?

– Полина Ивановна, в этом случае Данила прав, – вмешался, наконец, в их перепалку мужчина, таким тоном, что спор мгновенно стих. Все то время, пока его спутница препиралась с ведьмаком, он внимательно пялился на меня. Шагнул вперед и чуть наклонил голову. – Егор Волхов, майор особого отдела МВД России. Приятно познакомиться, госпожа Казанцева. А это моя коллега, лейтенант Полина Мальцева, – указал он на спутницу и произнес уже с нажимом: – И ей тоже чрезвычайно приятно познакомиться с вами.

Блондинка презрительно фыркнула, выражая свое отношение к знакомству со мной, но промолчала. Зато ведьмак высказаться не преминул:

– Конечно, приятно им. Что, захватить под себя родовую сразу решили? Слышь ты, госпожа Казанцева, ты ни одному их слову не верь, обещаний никаких не давай и посулов и угроз не слушай.

– Ну да, ей же лучше тебя слушать, – мгновенно вспыхнула Мальцева. – Не ты типа из нее силы налакаться хотел.

– То по согласию было! – не моргнув глазом, соврал Данила.

– Брехня, – раздался голос из ниоткуда.

– Как же! Это от ее большого согласия тебя у той стен-

ки слегка завалило? Жаль, не проткнуло копьем каким насмерть.

– Послушайте, а давайте уже перейдем к конструктивным действия, которые позволят мне в ближайшее время уйти домой, – прервала я очередной виток ругани. – Надо себя в порядок привести, да и на работу мне завтра, и хотелось бы хоть немного поспать перед этим.

– Крепкие у вас нервы, Людмила Казанцева, – заметил майор Волхов. – Спать вон планируете после подобного.

Я, конечно, сильно сомневаюсь, что и правда усну и спать буду ближайшие недели без кошмаров. Но свалить из этого сумасшедшего дома хотелось просто невыносимо. С уроном своей психике я разберусь потом и наедине с собой.

– К сожалению, я не думаю, что отпустить вас сейчас будет хорошей идеей, – заявил Волхов.

– Вы меня арестуете? Но за что? Я же рассказала, как все было! – испуганно затараторила я. – Я случайно тут очутилась, понятия не имею, о чем толкуют ваша напарница и этот странный человек. Позвоните Ирине, она все подтвердит!

– Нет, задерживать вас у меня нет оснований. Пока. Но и отпускать вас на все четыре стороны небезопасно. Для вас же в первую очередь.

– В смысле? Вы же не хотите сказать, что тот, кто убил эту бедную женщину, нападет и на меня?

– Да никто на нее не нападал! – вмешался ведьмак. – Я же тебе сказал.

Но я его не слушала. Потому что основным сказанным было не это.

— Давайте уточним, — обратилась я к майору, понимая, что здесь и сейчас именно он тот, кто принимает решения. — Вы сказали, что у вас нет оснований для моего задержания. Значит ли это, что я вольна уйти на все четыре стороны?

— А вы, Людмила, как намерены в таком виде домой добраться? — технично и без лишних препирательств сменил тему Волхов. — На трамвае? Боюсь, тогда вас ссадит с маршрута наряд росгвардии, вызванный вашими попутчиками. Да и в такси вас никто не посадит.

Актуальный вопрос, однако. Я изгваздана в крови вся, с ног до головы, в прямом смысле. Так что насчет транспорта его правда.

— Я довезу девушку, — подступил ко мне поближе ведьмак.

— Да как же, — бочком отошла я от него подальше.

— С нами поедет, — тоном, не допускающим моего отказа, рявкнула блондинка.

На самом деле, мне казалось, что хоть с Данилой, хоть с этими странными полицейскими ехать одинаково небезопасно. Но убраться отсюда ох как хотелось, а больше разумных вариантов не было. Не пешком же через полгорода топать, тем более что адреналин начал отпускать меня, и все тело наливалось свинцом усталости. И так-то день был тот еще, да и такой драйв под конец. Но и подчиняться почти приказу нахальной блондинки не хотелось категорически.

– Действительно, госпожа Казанцева, давайте мы вас доставим домой.

– Обещаете, что домой, а не в какой-нибудь застеночек? – на всякий случай уточнила я.

– Их слово ничего не стоит, – фыркнул презрительно ведьмак. – В отличие от моего. Мы, подлунные, сказанного и обещанного не нарушаем, не то, что эти... люди.

– Но они на меня и не нападали, чего о тебе не скажешь, – огрызнулась я.

– Ой, прямо напал, – буркнул он и направился к выходу. – Ладно, раз ловить мне тут больше нечего, то покедова!

Глава 4

– Готовы ехать, госпожа Казанцева? – майор сделал весьма галантный жест, указывая мне на выход.

– Да... – шагнула я вперед, но тут же затормозила. – Погодите! А что, мы все так оставим? В смысле как же там осмотр места происшествия, протоколы, фото? И что с телом?

Да-да, я так-то в редкие свободные часы просмотром всяких сериалов детективных грешу. Что поделать, вырваться в кино с Вадиком получается не часто, а романтику сопливую я как-то не очень уважаю. Реализм мне ближе к телу, а им в этих сериалах про великую любовь навеки сквозь все тернии и не пахнет. Как ребенок из неполной семьи, я это очень хорошо знаю.

Блондинка явно хотела ляпнуть что-то не слишком приятное, но Волхов резко поднял руку, затыкая ее.

– Этим непременно займутся те, в чьи обязанности это входит, не волнуйтесь.

Ну не знаю, в кино все обычно выглядит совсем по-другому, но оно меня касается, что ли, по большому счету? Меня готовы доставить домой, а это сейчас главное.

– Ой, надо же Ире сообщить! – опомнилась я. – Она же не подозревает ни о чем!

– Не подозревает, как же, – фыркнула насмешливо Мальцева, но тут же отвернулась и вышла наружу, подчинившись

тяжелому взгляду напарника.

– Конечно, вам стоит попробовать ее набрать, – кивнул мне на выход майор, и на этот раз я уже пошла, опасливо косясь на тело на полу. Уже в дверях мне почудился какой-то звук, больше всего напоявивший жалобный, едва слышный скулеж, но он тут же и пропал.

Мальцева стояла на улице около высокого внедорожника темного цвета и курила, пуская большие клубы дыма в странно светлое для такого времени суток и года небо. Я его никогда, пожалуй, таким не видела. Как будто обычную для города беззвездную черноту разбавили чуть светящимся серебристо-серым туманом.

Смартфон в моей руке пиликнул, сигнализируя о возвращении в пространство современных технологий и сотовых операторов, и я сразу же набрала Ирину. Гудки шли и шли, но трубку никто не поднимал. Уснула? Вполне вероятно, она ведь болеет. Лекарство разморило, вот и не слышит. Набрала ее еще раз для верности и недоуменно моргнула.

– Абонент недоступен, – пробормотала, глянув на продолжавшего пристально пялиться на меня Волхова. – А только что трубку не брала.

– Ну ожидаемо, чего уж, – едко заметила Мальцева, бросая окурок на асфальт и придавливая его носком ботинка.

– Не свинячь, – скривился майор и распахнул для меня переднюю пассажирскую дверь.

– А вы здесь хоть одну урну наблюдаете, Егор Михайло-

вич? – насмешливо фыркнула девушка. – Мне его в карман положить надо было?

– Тебе можно было просто воздержаться от курения сейчас. В салоне ведь вонь будет.

Его напарница буркнула что-то неразборчивое и полезла на заднее сиденье, громко в конце шарахнув дверью. У меня вообще сложилось впечатление, что всевозможные фырки и презрительные хмыканья и являются ее основными способами коммуникации. Удивительный контраст между почти ангельской утонченной внешностью и явно вздорным содержанием.

– Как же быть с Иррой? – спросила я у майора, когда мы уже сидели в салоне и он завел двигатель. – Нужно же сообщить.

– Оставьте мне ее номер, и мы это обязательно сделаем. И, само собой, ваш номер мне тоже необходим. Нам нужно будет еще встретиться.

– Допрашивать будете? – уныло скривилась я.

– Опрошу. Так положено, понимаете, Людмила?

– Понимаю. Из города тоже нельзя уезжать?

– А вы разве планировали? – он зыркнул как-то уж очень удивленно.

– Нет, но мало ли... к маме поехать. Я же не местная.

– Я не буду накладывать ограничение на ваши передвижения, если вы обещаете быть на связи. Договорились?

– Договорились.

В машине потеплело, и на меня еще сильнее накатила

усталость, и физическая, и моральная. Я бы ему сейчас что угодно пообещала, только быстрее бы добраться до своей кровати.

– Адрес скажете? – спросил Волхов у меня, и следующей его фразой было уже: – Мы на месте.

Я заморгала удивленно и действительно убедилась, что мы во дворе дома, где я арендовала жилье. Уснула, что ли, или зависла начисто?

– Спасибо, что довели, – принялась я выбираться из теплого салона, и от первого же порыва ветра снаружи застучали зубы.

– Погодите, Людмила, – окликнул меня майор, догоняя перед подъездной дверью. Мне ужасно не хотелось останавливаться, рвалась домой, под душ и в койку. – Я хочу сказать вам, что вы можете мне позвонить в любое время суток и по любому вопросу, даже если столкнетесь с чем-то странным и необычным. – И он протянул мне визитку.

– Вы о чем-то конкретном? Меня все же ждут неприятности? – мигом насторожилась я.

– Точно этого никто предсказать не может, верно? Так что звоните. Я готов вам помочь. А если вы сочтете нужным набрать меня просто так, то мне это будет еще и приятно.

– Ага. – Я хлопнула ресницами наверняка с дурацким видом.

А разве так можно? В смысле я же... как там... фигурант дела и все такое, а он явно подкатывает? Или я себе лыщу? Ну

да, второй подкат за один вечер, не считая испутившей дух на мне старухи и явления звезды французского кинематографа, что могло мне и приглючиться, учитывая обстоятельства и последующее бесследное исчезновение. Денек у меня был офигеть. Мерещиться не только подкаты, но и предложения руки и сердца начнут.

Я просто вошла в подъезд, даже не пообещав делать, как просил Волхов, хотя бы из вежливости. Нет у меня на нее сил. Лифт ожидаемо не работал. Это же извечный закон подлости – техника исправна и даже свободна, когда ты в порядке и с пустыми руками. А вот если ноги едва волочишь или нагружена, как мул, пакетами с продуктами...

Ворча и причитая, я потащила на пятый этаж, вяло пыталась в замочную скважину и ввалилась-таки в прихожую. Каролина Владимировна, обладательница аж трех доставшихся ей по наследству квартир в столице и наша предприимчивая квартирная хозяйка, была поклонницей уплотненного заселения, поэтому на скромной площади трехкомнатной хрущобы нас, бездомных приезжих, обитало аж семеро. По две девчонки в маленьких комнатах и трое парней-студентов в большой. Целая толпа, пребывающая в вечном хаотичном броуновском движении. Так что вариантов не пересечься хоть с кем-то, избегая быть застигнутой в моем нынешнем виде, почти не было. Так и случилось. Только я сняла обувь, как в дверях кухни, откуда доносился галдеж и музыка, высунулась Светка – моя соседка по комнате.

– О, Казанцева приперлась наконец! – сообщила она всем. – Люська, ты где до такого времени шаталась? Я уже подумала, что совсем не придешь, загуляла с Вадиком своим, и твою долю картофана пацанам вон пожертвовала.

– Наплевать, – махнула я рукой и стянула с себя уделанную куртку. Уж о еде мне и думать не хотелось.

– Эй, Люська, что с тобой? – сильно прищурившись в полумрак прихожей, спросила немного близорукая Светка, выскакивая совсем из кухни. – На тебя напали? Скорую? Народ, Люська наша вся в крови!

В узкий коридорчик вывалились парни, из дверей выглянула Наташка, и все уставились на меня.

– Кровь не моя! – заверила я всех и пошла в сторону ванной, то бишь прямо к ним. – Скорую не надо.

Все дружно от меня шарахнулись, пропуская. Была бы не так вымотана, заржала бы, чесс слово. Вышло все, как в каком-то дешевом боевике. «Это не моя кровь, а кровь моих врагов, и я в ней купалась, бу-га-га!»

– Ох-ре-неть! Такое чувство, что ты сожрала кого-то, – тихо прокомментировал мое дефиле Макс.

– Шефа своего, – буркнула я и нырнула в санузел. – Придирался много.

Снимала одежду и бросала ее на пол, уныло констатируя, что всему пришел капец. Отстирать такое без шансов. А это был один из трех моих дежурных офисных прикидов, и на новое что-то денег нет. Настроила воду и встала под душ с

облегченным вздохом. Но стоило только закрыть глаза, и в голове как взорвалось видение перекошенного лица старухи. Распахнутый рот с пузырями кровавой пены, остекленевшие глаза на выкате, растрепанные седые патлы. Я дернулась, отшатываясь от потока воды, врезаюсь и так больным плечом в стекло кабинки. Хорошо хоть не разбила. Сердце опять колошматило как безумное, и воздух никак не хотел наполнять легкие, невзирая на мои рваные вдохи. Вот же черт! Это если меня так наяву прикладывает, то во сне и помереть могу от таких картинок.

«Воротись-воротись, омойся-исцелись», – прошелестело в моих ушах, и я в испуге завертела головой, хлопая глазами.

Само собой, никто незаметно со мной в кабинку не пробрался. Я протерла запотевшее стекло и обозрела ванну. Никого. Да и голос этот звучал... ну не как человеческий. Вообще не голос, шелестение какое-то. Да я и вовсе не стала бы утверждать, что мне это не почудилось.

– Ну спасибо, Ира! У меня теперь, похоже, крыша прохудилась. Что нисколечки не странно даже, после такого.

Вздохнув, я набрала в ладони воды и плеснула на лицо.

«Услышь-воротись. Водица текучая все исцелит-смет-очистит!»

Я так и замерла, не опустив руки, и уставилась на струи, извергаемые душевой лейкой. Вот теперь я точно слышала. Все тот же голос, но уже чуточку громче и похож он был скорее уж не на шелестение, а на слабое журчание льющейся по

камням воды.

– Что за... Кто здесь?

Ответа не последовало, и, постояв так с минуту, я решительно схватилась за бутылочку с шампунем. Намылив голову, я торопливо домылась, игнорируя новое навязчивое журчание в ушах.

Закончив со смыванием крови и хоть немного жутких впечатлений вечера, я закуталась в свой голубой махровый халат с крючка на двери ванной и вышла наружу, намереваясь немедленно упасть и отрубиться. Но не тут то было. Моя соседка Светка цапнула меня за рукав и потащила в сторону кухни.

– Свет, ну ты чего?

– Пойдем! Мы хотим знать, что с тобой случилось! – заявила она, затягивая, как на буксире, в крошечное пространство, куда уже набились все мои соседи.

– Садись, ешь и рассказывай! – приказал Андрей, повелительно ткнув на одинокий парующий контейнер с лапшой быстрого приготовления.

Он и остальные парни подперли задницами подоконник и мрачно взирали на меня, а Светка с Наташкой плюхнулись напротив. Оля же взгромоздилась на кухонную стойку. Все требовательно и невесело уставились на меня, офигевшую.

– Вы чего? – обвела я взглядом всех присутствующих.

– Рассказывай, Люська, кто тебя обидел! – потребовал Макс. – Мы за тебя глаз на жопу живо натянем!

– Да, Люсь, – поддержала Светка. – Ты не должна бояться и молчать! Сейчас уже не те времена, что с рук все может всяким мажорам сойти! Если тебя... того... то мы их заса-дим. Или денег столько отожмем, что по миру пойдут. Сей-час это быстро.

– Того? Да никто мне не того! Серьезно!

– Нет? Тогда ты кого-то реально, что ли, завалила? – на-супился Володька. – Не Вадика хоть своего? Поймала с кем?

– Ты сдурел? Я похожа на человека, способного на кого-то напасть?

– Ну... когда пришла, была очень даже похожа. Ты не бой-ся, если менты придут, мы тебя прикроем. Скажем, что до-ма вовремя была. А шмотки вон Светка мигом оттащит на помойку.

– С ума сошли? Вы в курсе, что это преступление было бы?

– Да пофиг! Как будто ты бы хорошего человека замочить могла, – беспечно отмахнулся Макс. – Если завалила – зна-чит заслужил.

– Охренеть у вас логика.

– Ты ешь и рассказывай! – приказала мне Ольга свыше. В смысле сидела она выше всех.

– Ладно. – Я зачерпнула ложку искусственно пряного го-рячего бульона, проглотила, открыла рот... и вдруг поняла, что не могу сказать ни слова.

– Ну же! – заерзала Наташка напротив.

Я попробовала еще раз, и снова ничего. Слова как вязли на языке.

– Не могу, – изумленно пробормотала, откладывая ложку.

– В смысле?

– В прямом. Не могу.

И скрываясь от дальнейшего допроса, я сбежала в комнату, где забралась под одеяло, накрываясь с головой. Вот сейчас я усну, буду спать-спать-спать, а завтра все раз! – и пройдет. Должно пройти!

– Худая хатенка эта, хозяйка, – раздалось где-то над моей головой. – Тесная. Угол мышинный поганый. И приткнуться мне негде. Домой бы нам!

Глава 5

Я дернулась в испуге под одеялом, узнавая голос звезды французского кино минувших лет, но только зажмурилась посильнее. Вдруг если игнорировать, как тот шепот-журчание в душе, то он сам собой рассосется. Но как бы не так!

– Хозя-я-яйка, плохое тут место, говорю-ю-ю-ю! – заканючил пришелец.

Заканючил! Тем самым голосом Делона, что я помню из маминых любимых киношек. Ясное дело, что это не оригинал, а всего лишь голос актера дубляжа, но звучало... ну, причудливо как минимум. – Пыльно-о-о-о, тесно-о-о, жрать нечего-о-о! Шастают всякие туда-сюда-а-а!

Я таки не выдержала и, раскрывшись, села на постели. Икона мужской сексуальности прошлого века обнаружился в углу за моей кроватью верхом на тумбочке. Как и положено иконе, очевидно. И как он только туда протиснулся и тумбу эту, выдавшую виды и черт-те сколько жильцов-пользователей до меня, не развалил. Я ее лишний раз и тронуть боялась, так она начинала каждым стыком и шурупом содрогаться, ну чисто холодец из фанеры.

– Вы кто такой и как тут оказались? – отказываясь сдавать без боя свое здравомыслие на поживу всякой мистическо-глючной херне, спросила я.

– Мы? – нервно как-то огляделся псевдоактер. – Так один

я. Слуга твой верный. Алькой кликают.

– Слуга? – скрывая изумление, строго нахмурилась я, и красавец-брюнет заерзал на своем насесте и замерцал. Серьезно! Раз три, как помехи какие-то будто на экране. Раз – нет его, раз – опять сидит.

Но я упорно паялилась, даже не моргая. Врешь, меня этим не проймешь! Я нормальная!

– Буду, буду слугой, коли примешь меня, новая хозяйка, – заметно смутившись, еще сильнее заерзал на тумбе пришелец и вдруг шмыгнул носом и жалобно заныл: – Прими, а? Ну куда мне горемычному податься? Как мне без хозяйки-то? Только погибай сирым и убоги-и-и-им, бесприютным да бесхозны-ы-ы-ым!

– Обалдеть, – мотнула я головой и шикнула: – Да тише ты!

– Я ем мало, чесс слово. А послушный какой – чудо! Другого такого исполнительного тебе не сыскать во всем городе! Ночами глаз не сомкну, – затараторил он, не давая мне больше сказать, – и постираю, и уберусь, после меня ни пылинки, ни пятнышка нигде не отыщешь! И есть стготовлю яств любых. Хошь крусаньев этих заморских к завтраку напеку, а хошь макарон с этой... бешамелью или зеленью басурманской... как бишь ее... пестой, вот! Я все могу, честно! Меня старая хозяйка всему выучиться заставила!

– Стоп! – выставила я перед собой руку решительно. – Потвоему, я похожа на человека, который может себе позволить слугу? И зачем он мне? Алло, у меня полмесяца каждого из

заморских яств только доширак!

– Так я и раков могу! – закивал Делон с готовностью. – Хошь в рассоле пряном, а хошь в пиве. А могу и вовсе поцарс...

– Да какие, блин, раки?! – взорвалась я.

– А хоть мелкие, хоть здоровые. Всяких могу. И этих даже... как же их... омарьев морских тоже! А еще эту гадость всякую, что в ракушках, и гадов разных ползучих, прости господи, под соусами. Я полезный, хозяйка, клянусь тебе!

– Господи! – я закатила глаза, сдаваясь под напором нахлынувшего безумия. – Да не нужен мне слуга! Ни с раками, ни с гадами, ни с ракушками, ни с фуагрой! Ну куда?

– Так тут ясное дело, что никуда, – вроде как и приободрился Алька. – Негде мне, бедолаге, приткнуться. Так ты в дом свой новый переходи, а там уж и место мне, и тебе приволье. Нет этих соседей твоих дурных и домового местного злющего. У нас там свой домовый, Никифор. Он понимающий, уважительный. А местный тебе все равно жизни теперь не даст, сам мне сказал, полено темное. Мол, гнать ее стану, придушивать во сне, пакостничать и всяко гадить. Не надо мне ведьмы в жильцах – и все тут. Опять же, где тут в этих закутках и тесноте зелья варить и наговоры спокойно творить? А ну как попадет по кому не надь, и потом как избавл...

– А ну цыц! – приказала я. – Какая еще, к чертям, ведьма, зелья и наговоры?

Вот тут визитер, очевидно, растерялся и затих, вытянув-

шись и блымая на меня широко раскрытыми глазами, что та сонная сова.

– Стало быть, урожденные ведьмы зельев не варят и без наговоров ворожбу свою творят? – наконец предположил он осторожно. – Не знал я. Не было у меня прежде в хозяйках родовых. Но все усвою, выучу – не сомневайся! И что же, и трав никаких вам не надо?

– Какая, блин, ведьма? – процедила я, уже закипая.

– Вот тут я не знаю, не ведаю, не мое это дело, какая стезя тебе Луной определена, хозяйка. Но хоть какая, а польза тебе от меня все равно. Все умею, а чего не умею...

– Люськ, ты с кем тут говоришь? – Дверь в комнату распахнулась, вошла соседка Светка, а вот мой визитер исчез, как и не было.

Я пару раз перевела взгляд с вошедшей на угол, где только что восседал мой глюк-типа-слуга, и обратно, сравнивая реалистичность картинки и собственное восприятие. Блин, дело, похоже, плохо. Алька в своей белой, слегка замызганной рубашке выглядел только что таким же реальным, как и Светка в домашнем спортивном костюме и пушистых голубых тапках-песелях.

– Лю-ю-юсь? Может, все же скорую? – Соседка подошла и аккуратно потрогала мой лоб. Так моим видом впечатлилась? Так-то ее чувствительной барышней не назовешь.

– Не надо, – мотнула я головой. – Я сама с собой тут... вспоминала, что завтра надо сделать. Давай спать, а? Завтра

на работу.

– Ну, как скажешь, – пожалала девушка плечами.

– Спокойной ночи, – пожелала ей я и мигом нырнула обратно под одеяло с головой.

Пережившая не один десяток жильцов икеевская кровать поскрипела под Светкой, свет погас, и наступила тишина. Соседка еще с полчаса ковырялась в телефоне, пока я только и делала, что напряженно прислушивалась к звукам в комнате. Долго было тихо, но потом что-то зашуршало в районе все той же моей вихлястой тумбы.

– Зараза, походу, мышь пробралась, – под нос себе пробормотала сонно соседка. – Надо этой гримзе позвонить, пусть выводит. Зря, что ли, столько с нас дерет каждый месяц.

Шуршание стихло. Светка вскоре равномерно засопела, а следом как-то внезапно отключило и меня. И, кажется, практически сразу и подкинуло на кровати. Я сипела и хваталась за горло, борясь с удушьем, а перед глазами так и стояло окровавленное перекошенное лицо старухи, что навалилась мне на грудь и не давала вздохнуть.

– А-а-а-а-а! – вопила рядом в темноте Светка, но ее крик перекрывали звуки, больше всего похожие на вопли двух сцепившихся кошек.

В панике я вскочила, метнулась к стене, споткнувшись обо что-то и чуть не навернувшись по дороге, и шарахнула по выключателю. Свет резанул по глазам, несколько секунд

ушло на проморгаться, но когда смогла видеть в маленькой комнате уже воцарилась тишина. Только Светка тяжело дышала, сидя с выпученными от страха глазами на своей кровати.

– Что это на фиг было?! – отдышавшись, просипела она через полминуты обозревания комнаты.

А посмотреть было на что. Все мои вещи: одежда, книги, косметика, обувь были разбросаны по полу в живописном беспорядке.

– Что это вообще? – повторила соседка, встречаясь со мной взглядом.

– Девки, у вас все нормально? – стукнул в дверь Макс. – Что за визги?

Светка вихрем слетела с кровати и распахнула дверь.

– Ни хрена у нас не в порядке! – возопила она. – Признавайтесь, гады, кто притащил в квартиру кошака бешеного?!

– Кошака? – заспанный Макс осмотрел нашу комнату и почесал растрепанные лохмы на макушке. – Это кошак натворил? Херасе он разбушевался.

Из комнат стали выползать и остальные мои сожители и по очереди любовались разгромом, недоумевая и божась, что никто подлую животину и в мыслях не имел притаскивать, тем более что по договору найма жилья за это сразу секир-башка, в смысле выселение моментальное без возврата залога. Потом все дружно искали все же диверсанта, решив, что он мог пробраться как-то сам и затаиться. Заглянули в

каждый угол и щель. Суетились все, кроме меня. Я, ощущая себя в конец рехнувшейся и, судя по всему, обреченной на скорый неминуемый переезд в дом с мягкими стенами, пошла на кухню и заболтала себе пюрешку со вкусом грибов, слопала ее мрачно, взирая в окно на ночной двор и шупая свою шею. Выходит, глюки обрели силу, и Алька этот призрачный говорил правду. Домовой, в существование которого я верить отказалась бы еще вчера, действительно душил меня во сне, предварительно совершенно бесшумно учинив погром. И если это правда, а подтверждения сему так и валяются по всей комнате, то дальше может стать только хуже? И что мне с этим делать? Я же лечь обратно черта с два смогу, вдруг усну, а этот гад опять душить придет. Меня передернуло от страха, но тут же и гнев пришел. Да что за хрень безумная творится-то? Я должна признать реальность этого? Не хочу я и не собираюсь!

Но, с другой стороны, выходило тогда, что я действительно повредила мозгами, причем точнехонько перед тем, как столкнулась с той бешеной бабкой, с которой все и началось. А это уже вообще ни в какие ворота не лезло.

– Нет, ну вы посмотрите на Люську! – возмутилась Наташка, вваливаясь растрепанная и злая на кухню. – Мы тут всю хату перевернули, разыскивая виновного, а она сидит и жрет!

– Я так-то с вечера голодная осталась, – безразлично пожала я плечами.

– Слушайте, а может, это хорек или еще какая похабень экзотическая? – вошел за ней следом Макс. – Приперлась, нашкодила и обратно в вентиляцию свалила.

И он многозначительно ткнул пальцем в зарешеченное отверстие под потолком.

– Ты чё, совсем? – фыркнула Светка. – Ты посмотри, эту срань, походу, с момента постройки ни разу не открывали, вот на винты закручено и сто раз сверху покрашено.

– Ну я не знаю тогда, – сдался парень. – И вообще, давайте уже завтра разберемся. Спать хочется – пипец.

– Идите спите, – широким щедрым движением отпустила всех с кухни я. – Я тут посторожу.

Ага, возвращаться-то в постель ссыкотно. Ребята еще потусили-потолкались в тесной для всех кухне да и расползлись, оставляя меня сидеть на табурете. Я на него взобралась еще и с ногами, на всякий пожарный, как только в квартире все стихло. Да так и сидела, вслушиваясь и с подозрением всматриваясь в каждую щель в мебели и трещину на древнем линолеуме.

– Хозя-я-йка! – протянули у меня над самым ухом, и я взвилась и чуть не навернулась, осознавая, что, наверное, умудрилась задремать даже в этом дико неудобном положении.

– Что, блин? – рыкнула, разворачиваясь к источнику звука прямо в полете. Не знала, что так могу.

Алька обнаружился сидящим на краю столешницы кухон-

ного шкафчика, свесив ноги. Хотя сейчас скорее уж подходило «ножки», потому как размером он был чуть побольше кошки.

– Поспать бы тебе нормально, хозяйка, – жалостливо посмотрел он на меня. – Переезд – оно ведь дело непростое, устамши еще тяжелее. Шла бы ты в кровать. Я домовика этого на сегодня отвадил. Тумаков хороших отвесил да шкуру плешивую дураку повыдрал. Не вернется он нынче, спи иди спокойно. Я тебя стеречь стану, что тот пес верный, чесс слово. А завтра уже на свежую голову и вещички соберем да домой поедем.

– Какие вещички? Какой дом? Я тут живу!

– Ой пога-а-аный тут дом, пога-а-а-а...

– Изыди! – ткнула я пальцем в маленького доставалу.

– Ну хозя-я-я-яйка-а-а-а...

– Умолкни! Брысь! Тебя нет, потому что быть не может!

– Ой беда-горе-печаль! Хозяйка на голову болезная досталась! – всплеснув ручонками, запричитал этот мозговой паразит. – Что же за судьбинушка мне горькая! Что за долюшка тяжкая-я-я-а-а-а!

– Да заткнись ты! – махнула я рукой на приставалу, и он исчез за мгновение до того, как я его бы коснулась, что-бы, впрочем, тут же появиться на том же месте. – Чего пристал-то? Почему ко мне-то?

– Так а к кому? – неподдельно изумился мини-Делон. – Ты же силу старой хозяйки моей забрала, а за силой этой и

я, и дом со всем ее имуществом, и книга ведьмовская. Мы же все таперича твои, пока не помрешь сама или убьет тебя кто, силу себе отобрав, или передашь ее по своей воле кому. Только не слыхал я про то, чтобы родовые могли свою силу передать. Как же это сделаешь? Вы же не наученные и не невольные, а урожденные. Что ваше, то никому забрать нельзя, нет такой мочи ни у кого ныне. Только сами силу можете отпустить в воду текучую или зарыть в землю сырую.

– Цыц! У меня сейчас от твоего потока сознания мозги взорвутся! – схватила я за голову, действительно чувствуя, что черепушка пухнет и раздувается. – Значит так! Если ты утверждаешь, что я могу пойти спокойно спать...

– Да-да, не сомневайся, хозяйка! – часто-часто закивал, как игрушка заведенная, этот... слуга. – Я на страже и глаз не сомкну. Сунется опять домовик один или с дружками своими соседями, я его мигом...

– Стоп! Я. Иду. Спать! – отчеканила решительно. – И если утром ты все еще будешь реальным, то я обещаю выслушать весь твой бред про ведьм, дом, силу и прочее.

– Хо...

– Молчать! Завтра! И ни минутой раньше! Все! Хоть пикнешь еще – и можешь выметаться, ибо в месте своего слуги, просто господи, я тебе откажу навсегда!

Очевидно, эта угроза оказалась весомой, потому как Алька захлопнул рот и исчез, как его и не было. Я же пошаркала замученно обратно к своему спальному месту, где Светка

дрыхла со включенным светом, сдвинув все мое расшвырянное барахло к стеночке моей половины комнаты. Повалилась в подушку лицом и вырубилась мгновенно.

Глава 6

Проснулась я сама, вздрогнув от громкого хлопка дверью.

– Разбудили, вот же ироды криворукие! Ходят всякие, топочут, шумят-громят. То ли дело в родимом-то доме. Тишь-благодать... – раздался откуда-то с пола бубнеж Альки, и я протяжно вздохнула, ощутив себя обреченной. Не рассосался, к сожалению. А в следующую секунду подорвалась с кровати и уставилась в окно, за которым явно давно уже был белый день.

День! А я обычно на работу еще затемно стартовала!

– Твою же дивизию! – Я закрутилась на месте, разыскивая свой телефон. – Ну какого же черта?!

Краем сознания только отметила, что от ночного разгрома и следа не осталось. Вспомнила, что сумку свою с телефоном бросила при входе в прихожке на тумбе, чего за мной отродясь не водилось. И поэтому-то установленный на гаджете будильник меня не разбудил. Ну ладно будильник, но почему я не услышала, как Светка собиралась? Она же шумная – ужас, вот вообще не умеет ничего тихо делать.

Рысью прямо в пижаме метнулась в прихожку. Выхватила из сумки телефон, ткнула в экран и снова выругалась. Сел, сволочь! Выудила, брезгливо кривясь, из изгвазданной в бурые брызги и мазки сумки зарядное, помчалась обратно в комнату.

– Хозяйка-а-а!.. – начал заунывно свою песню Алька, но я злобно зыркнула на него и гаркнула:

– А ну исчезни отсюда! Мне переодеться надо!

– Да чего я там не видел, – буркнул он, исчезая.

Так, стоп. Неправильно.

– Появись обратно, но встань лицом к стенке и не смей поворачиваться, пока не разрешу!

Алька выполнил, даже не пожаловавшись на мою бестолковость и противоречивые команды. Пряма сама покорность, гляди.

– Хозяйка, так чего там насчет меня и переезда? – не оборачиваясь, спросил он.

– Вечером решу, – отмахнулась, торопливо облачаясь в офисный прикид. – Опаздываю на работу! Вот вернусь, и все решим!

– Э-э-эх! Опять мне, горемычному, пыль собой тут вытирай! А можно мне с тобой, хозяйка?

– Сдурел? Не вздумай! – Еще мне выноса мозга слугой этим не хватало. Мне за опоздание и так наверняка влетит будь здоров.

Прибежав из ванной, я запустила телефон, уже чуток подзарядившийся, и, само собой, посыпались оповещения о пропущенных звонках и сообщениях. Обуваясь и продирая волосы одновременно, я свободной рукой набрала Ерофееву.

– Надя, я...

– Надежда Николаевна! – оборвал мои оправдашки в зародыше ледяной голос директорской пассии. – Казанцева, ты что себе позволяешь вообще?! По-твоему, у тебя свободный график посещения рабочего места?

– Надеж...

– Да ты в курсе, что на твое место претендентов полгорода этого? – не думала она меня слушать. – Ты кто такая себя так вести? Никто! И звать тебя никак! Я тебя пожалела, недоразумение провинциальное, и шанс дала, а ты выкобениваться решила.

Ну да, провинциальное, а ты прямо, смотри, столичная штучка. Типа все вокруг не в курсе, что ты сама из какого-то сибирского кукуево. Ладно, может, все и не в курсе, но я-то твое личное дело видела с паспортными данными.

– Ни в коем ра... – Я уже летела вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

– С какой стати я должна твою работу выполнять и выслушивать вот это вот все! У меня что, своих дел нет? – Свою так-то по большей части работу, свою, звезда. И да, дел у тебя особо нет, все мне щедро перевалила. – В такую рань покоя нет! В документах черт ногу сломит, бардак на столе твоём, ничего не найдешь!

Я внутренне содрогнулась, представив, какой действительно бардак она там наверняка устроила, если шеф заставил ее найти ему что-то из бумаг. Я же до ночи обратно все не соберу!

– Надежда Николаевна, виновата и каюсь! – затараторила я. – Будильник не сработал. Но я уже лечу и буду в ближай...
– Можешь уже не торопиться, ты уволена! – с явным торжеством в голосе рявкнула дрянь.

Пару секунд у меня было острое желание заорать: «Ну и пошла ты на хрен, овца тупорылая! Тебе же хуже, корова ленивая!» Но я с ним справилась, ведь трубку Надька не бросила, значит, ждет, что начну упрашивать. Знает ведь, гадина, что мне работа эта ой как нужна. Поэтому упрашивать я, конечно, стала. А она принялась ломаться, грозить и всяко по мне проходиться, явно кайфуя от роли строгой, но милостивой барыни. Наши переговоры длились большую часть моей дороги на работу, благо самый час пик миновал и на меня, увещающую эту сучку, не косилась полная маршрутка народу. Угу, только половина. Охранник Андрей в холле, по которому я вихрем пронеслась, поднял издали обе сцепленные руки и потряс, похоже, таким образом демонстрируя жест поддержки, и я благодарно кивнула, влетая в лифт.

– Мало того, что опоздала, Казанцева, так еще и выглядишь расхристанной и взмыленной! – спустила на меня полкана уже лично долбаная Наденька. – Живо давай найди мне документы по арендаторам на Герцена, а потом кофе сварь, как Володя любит, и мне латте. И в порядок себя приведи, еще не хватало в таком виде подавать его нам!

– Да, конечно! – чуть не козырнула я этой криворукой, еле сдержавшись, чтобы не добавить «будет исполнено, ба-

рыня». Вот же грабли растут не из того места, даже кофе сварить не в состоянии. Понятно, что сейчас это воспитательный момент, но так-то она и обычно если и бралась, то выходила редкая бурда.

Ерофеева, окинув меня напоследок брезгливым взглядом и фыркнув, ушла, покачивая бедрами, в кабинет шефа, а я облегченно выдохнула. Пронесло на этот раз.

Исполнив ее высочайшие повеления, я вытащила зеркальце из стола и взялась за себя. Да уж, видок и правда тот еще. Волосы из скрученного по-быстрому хвоста растрепались, без макияжа, да еще и блузка не на ту пуговицу застегнута. Благо что под пиджаком это сразу в глаза не бросалось, а то меня бы Наденька еще черт-те в чем обвинила. Впрочем, присмотревшись, отметила, что цвет лица у меня вполне себе, никакой бледности нездоровой и темных мешков под глазами, что ожидаемо после вчерашнего. Совсем нет, даже губы решила не красить, только бесцветным бальзамом помазала. Дождавшись, пока шеф и его полезная исключительно в одной плоскости помощница свалят обедать в их любимый ресторан в соседнем с нашим здании, я помчалась в отдел, где Ирка работала. Пыталась ее набирать уже несколько раз, но бесполезно, и сообщения не проходили. И свезло мне, как назло, сразу нарваться на ее начальницу, Тамару Тимофеевну, что меня, как и почти все остальные сотрудники нашей конторы, терпеть не могла, опять знать бы – за что.

– Вы что-то хотели, Казанцева? – холодно зыркнув на ме-

ня с высоты своего немалого роста плюс каблучищи, требовательно спросила она.

Была сия дама высокой и худющей, из тех, о ком принято говорить «без возраста», и блюла фигуру, видать, до фанатизма, как на мой взгляд.

– Добрый день, – поздоровалась, забив на ее невежливость. – Подскажите, Ира Михеева с вами на связь не выходила?

– Во-первых, почему я должна вам сообщать эту информацию, – скривившись, пренебрежительно процедила начальственная особь. – Во-вторых, с чего бы ей это делать.

– Ну мало ли, – не особенно смутилась я. Привыкла. – У нее несчастье в семье, знаете? С бабушкой. А она на больничном и, может, помощи просила.

– Казанцева, не то чтобы это ваше дело, но Михеева уволилась вчера без отработки, а не на больничном. А проблема бывших работников, в том числе и с их родней, никак не касаются действующих сотрудников.

– Уволилась? – захлопала я глазами ошарашенно. – То есть на связь не выходила?

– Нет. Еще что-то?

– Не-а.

– Тогда не смею задерживать. Идите на свое рабочее место и не отвлекайте моих подчиненных разговорами. Они здесь делом настоящим занимаются, а не исключительно угождением капризам некоторых, в надежде занять местечко потеп-

лее.

И, поджав недовольно ярко накрашенные тонкие губы, она демонстративно захлопнула дверь перед моим носом и поцокала по коридору. Чего? Это она на что намекает? Нет, и раньше зыркали и она, и другие на меня свысока, и будто я им чем-то подгадила, информации никакой не выпросишь, и отвечали на каждый вопрос через губу, но прямых высказываний себе никто не позволял. Да чтоб ты навернулась на своих ходулях и костей не собрала!

Я едва успела повернуться, как мой слух поразил истошный вопль. Глянув через плечо, увидела Тамару Тимофеевну, распластанную в какой-то нелепой позе на полу. Метнулась к ней, отметив на подлете как-то очень неестественно подвернутую правую ногу.

– Помогите! – заорала во всю глотку, опускаясь рядом с зарывавшей женщиной на колени. – Скорую нужно!

Черт, я телефон на столе оставила. Вокруг захлопали двери, загомонили, пока я помогала пострадавшей сесть, приклонясь спиной к стене. Помимо ноги у нее, похоже, еще и всерьез пострадало запястье левой руки, по крайней мере, она чуть раскачивалась, придерживая его второй рукой и захлебываясь слезами.

– Отойди от меня, змея! – внезапно заорала она на меня с таким бешенством, что я отшатнулась, упав на задницу. – Не смей прикасаться!

Ее лицо преобразилось, искажаясь так жутко, что она мне

на мгновение почудилась похожей на вчерашнюю Иркину бабу. В испуге я засучила ногами, отъезжая от нее по гладкому полу, вскочила и рванула со всех ног прочь, проталкиваясь сквозь гомонящих коллег. Неслась вниз по лестнице, позабыв о существовании лифта, вылетела в коридор на своем этаже и с ходу очутилась в жестком захвате сильных рук высокого мужчины, в которого врезалась на бегу.

– А-а-а-а! – завопила, вырываясь.

– Тише, Людмила! – раздался знакомый голос. – Это я, Егор!

Какой еще... Вскинула голову и мигом обмякла, узнав майора Волхова.

– А, это вы, – выдохнула облегченно.

– Прозвучало так, будто вы рады меня видеть. Приятно, – улыбнулся он сдержанно, но тепло и как-то очень по-мужски, что ли. Я даже на полсекундочки подзависла взглядом на его губах.

– Ну не то чтобы рада... – ляпнула сначала и только потом поняла, как это прозвучало. – Добрый день, майор. Вы ко мне?

– Конечно к вам. Больше я здесь никого не знаю. У вас что-то случилось, Людмила?

– С чего вы взяли? – встрепелась я, вдруг осознавая, что он продолжает держать меня за плечи, и со стороны мы выглядим наверняка довольно компрометирующе.

Повела плечами, освобождаясь и отступая на шаг.

– Мне показалось, вы чем-то встревожены.

– Я? – натолкнулась на его взгляд, такой же цепкий и изучающий, как и вчера, и почему-то решила ему не говорить о происшествии с Тamarой Тимофеевной. – Просто сегодня проспала и опоздала, чуть не вылетела с работы. День плохой.

– А давайте мы его немного исправим, пообедав в одном приятном местечке здесь неподалеку. Вы же еще не обедали?

– У меня глаза голодные, что ли?

– У вас глаза потрясающие. А на то, что вы еще голодны и позволите мне себя пригласить, я весьма надеюсь. – И снова одарил меня этой брутальной сдержанной улыбкой. Интересно, он осведомлен о том, как завораживающе действует на женщин такое его проявление дружелюбия? Наверняка да. Красивый мужик ведь и явно старше тридцатника, такие обычно знают, как пользоваться своим обаянием и в чем оно лично у них заключается.

Я моргнула пару раз и решила-таки спросить в лоб:

– Скажите, майор, вы сейчас ко мне подкатываете или просто хотите задать все нужные по вашей работе вопросы в комфортной обстановке?

– Хм-мм... А вариант, что я просто хочу пообедать в компании очаровательной девушки, вы не рассматриваете?

– Стало быть, допрашивать станете, – постановила я.

– Откажетесь?

– Чтобы вы меня потом повесткой вызывали, или как там

у вас положено? Держали в мрачном кабинете весь день, не отпускали в туалет и светили в глаза лампой? Нет уж, лучше по-хорошему давайте. Тем более есть я действительно хочу.

– Откуда такие мрачные эротические фантазии о нашей работе, Людмила?! – Ага, а вот сейчас он рассмеялся искренне, и разница с теми его дозированными улыбками огромная. – Хотя ради того, чтобы лицезреть вас целый день, я бы выписал вам повестку. И кто знает, может, еще выпишу.

– Станете использовать служебное положение в личных целях?

– Когда касается вас – без зазрения совести. Так что, идем?

Ясно, охотник-ловелас тут у меня. Может, стоит ему в лоб сказать, что у меня парень и серьезные отношения? Хотя нет, сначала уж лучше покончить со всякими формальностями, а потом отшивать.

– Идемте. Только я ограничена по времени, не хочу бесить лишний раз начальство.

Глава 7

– Эм-м-м... Говоря на чистоту, майор... – застряла я на тротуаре, поняв, в какое заведение он направляется. – Мне тут обедать немного не по карману. Мягко выражаясь.

«Рафинад» был, конечно, не одним из дико пафосных городских ресторанов, но все равно не по моим финансам.

– А разве уже отменено общеизвестное правило, что платит тот, кто приглашает? – приподнял в недоумении свои светлые брови майор. – И зовите вы меня уже по имени, Людмила.

– Правило-то не отменено, но так же в нынешних реалиях и дополнено пошловатым «кто девушку кормит-поит, тот ее и танцует», – усмехнулась я. – И как по мне, так «майор» звучит круто.

– Окей, согласен, зовите майором, – с легкостью согласился мужчина и распахнул передо мной дверь. Все же подкат. – И поверьте, я намерен вас накормить исключительно из альтруистических побуждений, но не без прицела на будущее.

– Каков прицел?

Судя по радушной улыбке седоватого дядечки с ресепшн, моего спутника тут хорошо знали и к свободному столику нас проводили сразу же.

– Вам понравится есть в моей компании, и вы станете соглашаться делать это чаще.

– У меня парень есть, – все же вывалила я. Ну терпеть не могу я голову дурить кому-то и раздавать авансы бесполезные.

– Я бы весьма удивился обратному, Людмила, – безразлично пожал мужчина плечами, отодвигая для меня стул. – Это бы означало, что окружающие мужчины слепы. Так, и давайте сразу договоримся, что вы закажете именно то, что захотите съесть, а не то, что не слишком облегчит мой кошелек, по вашему предположению.

– По логике я должна подумать теперь нечто вроде «о, неужели работникам органов у нас стали хорошо платить», но вслух постесняться такое спросить, потому как это как минимум невежливо, – буркнула и поежилась, потому что и правда прозвучало не айс. Человек меня накормить собрался, пусть и не без дальнего прицела, но все же придержать свою саркастичность стоило.

– Есть предложение исключить из нашего общения любое стеснение и обоюдно задавать вопросы без оглядки на условности, Людмила. Я одинокий мужчина с действительно неплохим доходом и не слишком большими запросами по жизни и водить девушку в ресторан могу себе позволить без проблем.

К нам подошел юноша-официант в форме и, поприветствовав, вручил меню.

– Одинокий, – повторила я, перелистывая толстые страницы с изображением блюд. Как хорошо, что тут и изобра-

жено все, и написано без выкрутасов по-русски. И еда вполне себе знакомая и простая по большей части. Не то чтобы я темная деревенщина и готова была нахлебаться водички из чаши для мытья рук, но вопрос со всякими там хитрыми приборами столовыми, если что, смущал. А тут все просто. Хотя цены все же... м-да. – Вы ведь нарочно выбрали это слово, а не «свободный»?

– Безусловно. Поймали, – признал без малейшей тени смущения Волхов. – Итак, что же случилось у вас сегодня на работе, что вы едва не снесли меня?

Я уставилась прямо на него и опять натолкнулась на острый, сверлящий взгляд, который вот ничуть не смягчали ни его тон, ни улыбка. Флирт, шуточки, но сам все равно прет в том направлении, что выбрал, похоже. Ошиблась я с подкатом? Или он типа мультизадачен. И для дела старается, и себя не забывает.

– Почему вы думаете, что я отвечу не так же, как в первый раз?

– Ну мы же договорились начистоту, – повернул он кисти ладонями вверх, эдакий жест открытости. Ну-ну.

– Разве? – я натянула улыбочку, но настоящей расслабленности и близко не было. – Вы предложили только задавать взаимно любые вопросы, но не давать на них честные ответы, и я даже на это еще не согласилась.

– Прошу прощения, вы сделали выбор? – появился бесшумно возле нашего стола все тот же парень-официант.

Я, решив и правда не стесняться и налопаться от души, заказала окрошку, плов и десерт. Окрошку я в принципе обожаю, и когда еще будет шанс попробовать ее в исполнении искусных поваров.

– Мне то же, что и даме, и ваших фирменных пирожков еще, – даже не заглядывая в меню, сказал Волхов. – С картошкой и рыбой.

– Благодарю за ваш выбор. – И парень буквально исчез.

– А вас запросто не провести, да? – наклонил чуть голову майор, продолжая сверлить во мне дыры взглядом все с той же странноватой улыбкой. Вот ни тепла в ней, ни холода, эдакий ноль градусов, точка отсчета, что ли. – Думаю, это неплохо даже. Повысит ваши шансы, хотя и усложнит все для меня.

– Шансы на что?

– На выживание, – ответил он, не добавляя для меня ясности вот ни на чуть. Скорее уж просто пугая. В том и цель?

– Простите?

– Не берите пока в голову. Расскажите мне лучше о себе, Людмила. О своей семье.

– Эм-м-м... семье? Зачем?

Супер просто. Сначала невзначай бросить фразочку о выживании, то бишь угрозе для жизни, а потом с ходу перескочить на другую тему. Это же тоже какая-то там хитрая психологическая фигня, призванная рассеивать внимание собеседника и сбивать его, или я уже параноить начала? Но, с

другой стороны, попробуй тут не начни. Я невольно тронула свою шею, на которой, между прочим, следов и не появилось ни после бабки Иркиной, ни после ночного нападения домового. Домового, Карл!

– А почему нет, – небрежно дернул мощным плечом Волхов. – У вас в роду были выдающиеся чем-либо люди?

– Выдающиеся? Пожалуй, если можно назвать выдающимся моего отца, что в тридцать три года, после одиннадцати лет счастливого брака с мамой решил круто изменить свою жизнь. – Как всегда, когда вспоминаю об этом, сердце оборачивает гневом, как железным обручем. Однажды я научусь говорить об этом безразлично, без раздражения, но этот день еще не сегодня. – Подал на развод и раздел имущества, из-за которого мы лишились нормальной квартиры и были вынуждены перебраться втроем в комнату в аварийной общежитии-малосемейке с одним душем и туалетом на весь этаж и соседями-маргиналами. А сам продал все свое и свалил в Штаты. Вступил там в байкерский клуб и шлет нам с сестрой открытки на Рождество, описывая, какой правильно наконец стала его жизнь и как он счастлив.

– В тридцать три, говорите? – нахмурил брови Волхов так, будто именно это в моем рассказе было самым важным. И опять у меня появилось это чувство, что болтать с ним обо всем – ошибка с моей стороны.

– Да, – буркнула я и взялась за поглощение крошки, которую только принесли.

– И что же ваша мама? Вышла еще раз замуж?

– Нет.

– А вас, стало быть, у нее две девочки и вы старшая?

– На данный момент. – Блин, вот опять! Простого «да» без пояснений разве не было бы вполне достаточно? – У меня была еще сестра, но она погибла еще младенцем.

– Внезапная остановка сердца, полагаю.

– Откуда вы... – опустила я ложку, насторожившись еще больше.

– Это довольно распространенная причина, к сожалению, в раннем возрасте. Соболезную. Кушайте, Людмила.

Мы какое-то время помолчали, занятые едой. И только когда с первым было покончено, Волхов продолжил свой вопрос. Уж в том, что это он и есть, я уже не сомневалась.

– А в семье вашей мамы тоже были только девочки?

– Зачем вам это знать?

– Скажем так, давайте установим факты, прежде чем перейдем к выводам.

О, круто! Мне стало от этого дурацкого предложения все намного понятнее, ага, и я прям готова расслабиться и дальше мило трепаться.

– Какое отношение моя родня имеет к вчерашнему происшествию? Кстати, вы смогли связаться с Ириной? Мне ее начальница сказала, что она вовсе не на больничном, а уволилась.

– И уволилась, и из страны вылетела тем же вечером, ко-

гда вы пытались до нее дозвониться. Что ожидаемо, конечно. Так что там насчет вашей родни по материнской линии? Одни девочки, ведь так?

Так, но я не торопилась ему отвечать. Потому что он меня откровенно подбешивал. Вот же я дура, на обед с ним согласилась. Якобы все неформально и все такое, а на деле... И вот не сделаешь же эффектный жест с внезапным уходом. Он не простой прохожий, а представитель власти, а с ними такие фортели в нашей стране могут дорого обойтись.

– Знаете, Егор, будет справедливо, если вы тоже станете отвечать на мои вопросы исчерпывающе, как я на ваши, а не наводя тень на плетень, – сказала, стараясь не выдавать своего настоящего настроения.

– А разве это не так? Я делюсь той информацией, которой владею.

– Не полностью. Вы сказали, что отъезд Ирины ожидаем, и что-то такое говорила и ваша напарница вчера. Почему?

Нас опять прервали, поставив на стол тарелки с потрясающе ароматным пловом.

– Тут я в затруднении, Людмила. Есть большая вероятность, что если я отвечу вам прямо сейчас на этот вопрос правдиво, то, скорее всего, вы умчитесь отсюда мгновенно и вряд ли скоро согласитесь снова пообщаться со мной. А это не есть хорошо. Но при этом еще я вижу, что вы напуганы и разозлены, и на мои вопросы односторонне отвечать уже не хотите. А при этом спрашивать мне необходимо, дабы иметь

полную информацию и понять, как мне вам помочь.

– Помочь мне? В чем же?

– В выживании в абсолютно новых и незнакомых вам жизненных обстоятельствах, – от даже той скупенькой улыбки и следа не осталось, майор уставился на меня как-то... беспощадно, что ли. Спина у меня точно изморозью покрылась.

– Господи, да каких обстоятельствах?! – прозвучало театрално преувеличенным недоумением даже для собственных ушей.

– Ваше существование изменилось, Людмила. Вы изменились, и жить, как раньше, уже больше никогда не выйдет. Возможно, не выйдет жить в принципе. И чем быстрее вы это осознаете и начнете с нами сотрудничать, тем больше у вас будет тех самых шансов, о которых я упоминал.

– А еще в связи с этими шансами вы упоминали, что быть легковой дурочкой не нужно, или я неверно поняла?

– Все верно, – помедлив всего секунду, подтвердил майор. – Но быть начеку стоит с теми, кто вам не друг.

– Давайте угадаю: вы, Егор, как раз друг.

– Совершенно не против стать им и оставаться в данном качестве до тех пор, пока вы не совершите нечто, что переведет вас в число существ, бороться с коими – моя прямая должностная обязанность. И поверьте мне, Людмила, других кандидатов в друзья в этой вашей новой реальности будет немного. Совсем немного.

Мне очень хотелось сказать ему, что он говорит как ре-

альный маньяк, но учитывая события последних полсуток и то, что их там в органах вроде как проверять на психозагоны должны, по всему выходило, что чокнулась я. Но не признавать же это вот так запросто, за обедом между пловом и окрошкой. Я ему, говоря честно, вообще сейчас сказать ничего не была готова.

Поэтому просто опустила глаза в тарелку и буркнула, следуя его же примеру:

– Еда остывает.

– Хм... бесспорное утверждение, – подозрительно покладисто согласился Волхов. Мы взялись за поглощение плова, и мужчина поинтересовался светским тоном: – Как вам здешняя кухня, Людмила?

– Плов бесподобен, а вот окрошку я готовлю по-другому, – практически на автомате, еще вся в своих мыслях брякнула я.

– Могу я считать это приглашением попробовать ее как-нибудь в вашем исполнении? – тут же нашелся он.

– Сильно вряд ли, майор. Я редко сейчас готовлю.

– Ничего, я подожду и вдруг дождусь. А как вам погода, Людмила?

Я чуть пловом не подавилась. Он серьезно? О погоде поговорим?

– Что? – нарочито непонимающе пожал мужчина плечами. – Я же понял, что говорить на необходимую мне тему вы не готовы. Ничего, опять же подожду, когда вы осознаете,

что вам это необходимо гораздо больше моего.

Мой телефон в кармане дернулся, извещая о сообщении, и, коротко глянув на экран, я вздохнула. До конца моего законного перерыва еще пятнадцать минут, а от гадюки Наденьки уже прилетело: «Где ты?!!»

– К сожалению, Егор, от десерта мне придется отказаться, – начала собираться я. – Время отдыха вышло.

Он тоже сразу поднялся.

– Нет-нет, вы доедайте спокойно! – выставила я ладонь, пытаюсь его остановить. – Спасибо огромное за обед. Я по-бе...

– Нет, так не пойдет, Людмила. Откуда взял, туда и верну, – решительно отрезал мужчина.

И, не слушая моих возражений, таки пошел провожать до самой приемной. Довел и протянул руку в несколько старомодном жесте, и я чисто машинально вложила в нее свою ладонь. И ахнула, когда он взял и поцеловал костяшки, поднеся мою кисть к губам. Мимолетно, но вышло как-то дико смущающе, чуть ли не интимно.

– Что же, – неловко замялась я в дверях, торопливо отнимая конечность и злясь на то, что не хочу, но покупаюсь ведь на его галантность. Даже четко осознавая, что тут реальный подвох, покупаюсь. Вот мы бабы народ мягкий и внушаемый. – Спасибо еще раз, было очень вкусно и где-то познавательно.

– О, да ладно, не кривите душой, Людмила. Как насчет

повторить завтра?

– Я...

– Казанцева, офис – не дом свиданий! – раздался визгливый голос Надюшки-стервушки из-за моей спины, и я дернулась. – Вы здесь, чтобы работать, а не личную жизнь устраивать!

Вот. Же. Тупая. Сука!

Глава 8

Волхов нехорошо прищурился, я же натянуто улыбнулась ему и, буркнув «до свиданья!», закрыла дверь, поворачиваясь к директорской любовнице.

– Это был деловой визит, – ответила ей, чтобы сказать хоть что-то, кроме того, что действительно хотелось. Потому как при всем моем негативном отношении к мату, цензурных слов, среди рвущихся наружу, не было.

– А, то есть ты у нас тут такую важную должность уже занимаешь, Казанцева, что принимаешь посетителей в приемной директора? – взвилась она пуще прежнего. Терпи, Люся, терпи! – Или правильнее их будет клиентами звать?

Тебе виднее, опыт-то побольше моего в данном вопросе.

– Кофе и немедленно! – рявкнула гадина и шарахнула дверь директорского кабинета.

Вот же отважная, и не боится, что плюну в ее чашку после такого. Причем ядом, коим сама давлюсь из последних сил. ПМС у нее сегодня, что ли? Не была же такой. И сначала не подарок и милаха, но и не такая же мразь.

В кабинет шефа я вошла, позвякивая чашками на подносе, и поставила его на край стола. Наденька расположилась на кожаном белоснежном диване перед панорамным окном и ковырялась в телефоне.

– Благодарю, Людмила, – беззвучно произнес начальник

одними губами, не отрываясь от телефонного разговора и коротко стрельнув взглядом на свою обоже. А ведь неплохой он, по сути, мужик, но только думает не тем местом, но тут уж ничего не попишешь. Хотя была бы я характером пожестче и побеспринципнее, и рискнула бы, может, подсуетиться и попробовать сбить с Надюшки корону и скинуть ее прокачанную задницу с теплого местечка в директорской постели...

Что? Что, блин?!!! Это что за мысли, Люся? Откуда такое вообще? Это же ни мое ни разу вот! Хотя сейчас, когда вдруг подумалось, то на миг представить офигевшее лицо этой стервы перед вылетом от кормушки было приятно. Вот даже не личной выгоды ради, а чисто из вредности.

– Сюда подай! – это уже Надюшка приказным тоном.

Я едва сдержалась от закатывания глаз и выполнила ее требование.

– Какая же бурда! – донеслось брезгливое мне в спину. – Деревенщина рукожопая, даже кофе сварить не в состоянии.

Да чтобы тебе этот чертов кофе поперек горла встал!

Шаг, второй, и вдруг визг сзади, стремительно ставший задушенным хрипом. Я развернулась, как раз увидев, как шеф с криком «Надя!» метнулся из-за стола подбитой чайкой к своей любовнице. Она же упала на спину на диван, дрыгая ногами, хрипя и хватаясь за свое горло так, будто хотела разодрать его своими длиннющими ухоженными ногтями с дорогущим нейл-дизайном. Лицо пунцовое и стреми-

тельно становилось еще краснее и распухало. Страшное зрелище, от которого я шарахнулась, врезаясь спиной в дверь и распахивая ее. Но тут же опомнилась и бросилась на помощь.

– Подавилась! – крикнула бестолково хватающему девушку повсюду шефу. – Надо ее по спине стукнуть!

Я, конечно, никакого специального образования не имею, но логично же. Всегда же хлопают, когда не в то горло, это только в западных фильмах я те трюки специальные видела. Он вроде опомнился, перевернул Надю себе на колени лицом вниз и, рывкнув мне: «Скорую вызывай!», принялся хлопать ту между лопаток. Сначала слегка, но когда его действия не возымели результата, заколотил сильнее. Я уже торопливо диктовала адрес диспетчеру, когда Надя начала кашлять, и теперь уже завопил мой начальник. Потому как белый диван, светлый камень пола и его штанины покрылись мелкими кровавыми брызгами.

– Господи! Воды! – закричал директор, беспомощно шаря безумным взглядом вокруг.

Я сомневалась, что Надя в состоянии сейчас пить, но кинулась все же к тумбе с бутылками «Evian» и стаканами и мигом свернула крышку. Ломанулась обратно, присела перед девушкой, которую приподнял шеф, и поднесла горлышко к ее окровавленным посеревшим губам. Господи, Надя, ты та еще гадина, но не надо умирать! Живи давай и стервозничай дальше, или я долбанусь, став свидетельницей еще

одной смерти за неполные сутки.

Сначала показалось, что и вода пошла Наде не в то горло, она издавала жуткие клокочущие звуки, и я чуть не ша-рахнулась, ожидая, что сейчас начнется у нее новый приступ кашля, и я вся тоже буду в кровавых брызгах. Но этого не случилось. Наоборот, она стала дышать чуть понормальнее, бульканье потихоньку стихало, а остекленевшие глаза приобретали осмысленное выражение. К моменту, когда в кабинете появилась бригада неотложки, Надя уже сипло, но ровно дышала и даже пыталась что-то невнятно говорить, впрочем безуспешно. Я из кабинета выскочила и только теперь подглядывала и подслушивала через распахнутую дверь.

– Что с ней? – стоял над душой у доктора шеф, пока тот торопливо осматривал его подругу. – Она просто пила кофе, и вдруг такое. Разве можно так ужасно поперхнуться?

Манипуляций доктора мне видно не было за спинкой дивана, но звуки, которые при этом издавала Надя, пугали.

– Значит так, – каким-то очень нехорошим тоном начал эскулап, – мы ее забираем. А вам нужно немедленно вызвать полицию и не позволять тут ничего никому трогать.

– Что? Почему?

– Потому что девушка не подавилась, – строго сдвинул брови довольно молодой еще доктор, торопливо помогая санитару укладывать пациентку на носилки. – Не буду навскидку утверждать, но это больше всего похоже на химический ожог слизистой рта и гортани.

– Ожог? – лупнул глазами шеф, да и мои, надо сказать, на лоб полезли.

– Да. Уносим, быстро. Интубируем в машине, отек тканей не критический.

– Но как?

– Кто-то или дурно подшутил над вашей сотрудницей, или же пытался отравить. – бросил через плечо врач, подхватив носилки.

Владимир Сергеевич так и застыл посреди кабинета с поднятой рукой и стеклянным взглядом, когда его любовницу унесли. Я тоже мялась, глядя на него. Снаружи в коридоре толпились сотрудники, негромко переговариваясь, охая и всхлипывая. Но через минуту он отмер и посмотрел на меня так, что остро захотелось ломануться со всех ног.

– Ты! – прорычал он, указав на меня обвиняюще пальцем. – Дрянь! Это ты сделала!

Рука у него тряслась, рот перекосило, взгляд буквально испепелял.

– Владимир Сергеевич, да зачем бы мне... – опешив от такого поворота, начала пятиться я. Да что за полоса чернющая у меня покатила?

– Надька на тебя орала, вот ты и решила ей отомстить! Что ты ей подсыпала, гадина?! – пуча глаза и краснея, он наступал на меня.

– Да что бы я могла ей подсыпать? Я никогда бы не навредила никому! – пыталась я взывать к его адекватности,

но, похоже, бесполезно. Шнырнула вправо, вставая так, чтобы мой стол оказался между нами. – Владимир Сергеевич, я всего лишь приготовила кофе! Просто кофе и ничего такого! Я понятия не имею, поче...

– Заткнись! – оборвал он меня и продолжил наступать так, будто реально собирался придушить. – А ну села вон там в углу и только шевельнись до приезда полиции! – повернулся к обалдевшим людям в коридоре и приказал: – Живо начальника службы безопасности сюда!

– Но я... Да вы права не имеете! Я ничего не делала!

– Закрой рот, Казанцева! – подошел он вплотную к моему столу и наклонился вперед, прошипев: – Тебе конец, дрянь! Если менты не закроют, я тебя сам удавлю за Надьку мою!

Ошалевшим от всего взглядом я наблюдала за появлением Миллера, не помню имени отчества, – главного безопасника – в сопровождении пары охранников. Они оттеснили меня в угол и заставили там сидеть, не слушая никаких доводов и возражений. Люди в форме и дядька в халате и с большим чемоданом с кучей всяких прибамбасов, точно как в сериалах, вошли с деловитым видом минут через двадцать, когда я уже выдохлась от бесплодных попыток доказать что-то хоть кому-то. Из коридора всех разогнали, приемную и директорский кабинет стали переворачивать вверх дном, заглядывая в каждую щель. Рассовали по отдельным пакетам все чашки, ложки, сахарницу, саму кофемашину, плюс я видела, как мимо пронесли так же упакованное в пакеты и сло-

женное в прозрачный большой пластиковый контейнер все содержимое директорского бара. Средних лет дама, следовательно, фамилия которой вылетела у меня из головы, как только прозвучала, сначала долго беседовала с шефом, что то и дело срывался на обвиняющие вопли, хорошо слышимые и с моего места в углу приемной, потом опрашивала меня, задавая одни и те же вопросы не по одному разу, и без конца строчила что-то. Эксперт сделал кучу всяких манипуляций с моими руками: лепил к ладоням нечто вроде скотча, тер ватными палочками, брызгал чем-то и светил лампой, выковыривал из-под ногтей, заставляя шипеть от дискомфорта. Потом меня под белы ручки повели из офиса, усадили в служебную машину и отвезли куда-то, где закрыли в комнате без окон. Девушка в форме и с каменным выражением некрасивого лица принесла какие-то стремненькие тряпки и велела раздеться и отдать ей ВСЮ мою одежду. Включая нижнее белье.

Выполнив все сказанное, я осталась сидеть в том странном помещении в одиночестве в чужих тряпках, что пахли дерьмовым моющим средством, еще на черт-те сколько часов. Хотелось пить и в туалет, но никто не приходил, хоть я и слышала смутные голоса из-за стены. Не выдержав уже всех этих испытаний, я чуть не разревелась сначала, а потом озлилась и принялась колотить в дверь. Она открылась так быстро, что я чуть не схлопотала по лицу. Пришла та самая дама-следователь, и все закончилось так же безумно и стре-

мительно, как и началось. Она положила на стул мою одежду, которую по виду как корова изжевала, а на стол плюхнула тонкую папочку.

– Приносим свои извинения за причиненные неудобства, Людмила Алексеевна, – тоном полным безразличия бесцветно произнесла она, глядя на меня и при этом как будто сквозь. – Экспресс-анализ всех образцов показал полное отсутствие любых отравляющих или прочих активных веществ, способных нанести вред здоровью.

– В смысле я могу быть свободна? – Я так устала, что даже и радоваться не выходило.

– Да, конечно, – кивнула она настолько сухо, что прямо было видно, как же ей поперек горла это, и куда уже более бодрым тоном: – Но я попрошу вас не покидать город, потому что будут проводиться еще более углубленные тесты. Вот ваш пропуск и сумка.

И свалила. Я начала одеваться, а потом выудила телефон из сумки и набрала Вадика.

– Привет, малыш! – прозвучал его голос, хоть чуть согревая мне душу. – Ты куда пропала? Я вчера звонил тебе доброй ночи пожелать и писал сегодня, а от тебя нет ответа. Собирался еще раз уже набрать, а тут ты сама...

– У меня тут кое-что произошло, Вадь, – прервала его я. – Можно я к тебе приеду сейчас?

– Малыш... – он явно заменжевался и понизил голос: – Люсь, ну ты же знаешь, что мама уедет на дачу только в пят-

ницу.

– И что? Я твоя девушка, мы скоро год встречаемся, и ей прекрасно известно, что мы ночуем у тебя в выходные.

– Люсь, ну ты же должна понимать...

Да ничего я сейчас никому не должна! Я хочу, чтобы ты меня просто обнял, и мы уснули рядом.

– Мне реально сейчас погано, и хочу тебя видеть. Ты мне нужен, – вдруг стало так за себя обидно, и я позорно шмыгнула носом.

– Давай я приеду, и мы погуляем, – охотно предложил он.

– Да не хочу я, блин, гулять! – взорвалась я неожиданно для себя. – У меня ад какой-то творится со вчерашнего вечера! Я сегодня полдня провела в полиции, меня обвинили в попытке отравления человека! Я устала, хочу есть, пить, в туалет и помыться! И хочу, чтобы ты был в этот момент рядом, потому что ты мой чертов парень!

– Знаешь, я ведь понятия не имел, что там у тебя происходит, поэтому ты не находишь, что срываться на мне и предъявлять какие-то претензии – это не слишком адекватное поведение?

– Боже! – взвыла я в заполонившем неожиданно отчаянии. – Да ты сейчас точно как твоя мама говоришь!

– Люсь, маму-то ты зачем приплетаешь?

Я вдохнула, готовая вывалить все, что копилось у меня в душе по поводу его ханжи мамыши, но тут же и выдохнула. Вот и на кой? Тратить силы еще и на это.

– Знаешь что? Забей, Вадь.

– Лю... – начал он, но я нажала на отбой и, посмотрев еще десять секунд на экран, вообще вырубил телефон.

Оделась и вышла из казенного здания, предъявив парнишке-дежурному пропуск. На улице давно стемнело, и я поплелась по улице, вяло размышляя, как мне добраться до дому из этого незнакомого мне района города. Неожиданно порыв резкого ветра затрепал полы моего плаща, пробрав до костей, и я обнаружила, что вышла на набережную. Ну отсюда я хоть знаю уже, как добраться до съемной квартиры, хотя при мысли, что еще придется с кем-то говорить и отвечать еще хоть на один вопрос, хотелось взвыть.

Фонари светили еле-еле, будто им не хватало напряжения, поэтому человека, идущего мне навстречу вдоль каменного парапета набережной, я заметила совсем не сразу. Высокая женщина, одетая во все черное, появилась передо мной как из ниоткуда. Я шагнула вправо, пропуская ее, но она повторила мой маневр, заступая дорогу. Я шарахнулась, вынужденно уперевшись задом в парапет, и тут заметила, что сзади и сбоку ко мне так же незаметно приблизиться умудрились еще две незнакомки.

– Что вам... – начала я, ощущая внезапно прилив дикой злости. Хотя по уму стоило бы испугаться.

– Наглая дрянь! – прошипела одна из женщин. – Ты что о себе возомнила? Думаешь, можно запросто явиться на чужую территорию, нападать на члена нашего ковена и творить

что вздумается?

— О чем вы... — только и успела начать я, как она выкинула вперед руку с жуткими черными когтями сантиметров по двадцать вместо ногтей, и мне в грудь будто раскаленная кувалда со всей дури врезала. Воздух из легких вышибло, меня опрокинуло со страшной силой назад, и я безмолвно полетела в черную ледяную воду.

Глава 9

Я не просто тонула – шла на дно как камень. Удар об воду и мгновенный лютый холод вышибли и те остатки воздуха в легких, что оставались после дистанционного удара чокнутой когтистой бабы. Так что удушье накрыло моментально. В груди, куда и так как будто прилетело раскаленной болванкой, заполыхало адски, ничего не способные различить в крошечной тьме глаза лезли из орбит, я беспомощно колодила руками и ногами, не понимая, где верх, где низ, и силы заканчивались так стремительно, что даже запаниковать времени не нашлось. Просто вдруг все тело сковало ледяным оцепенением, как будто батарейка села, и сознание стало гаснуть. Ну вот и все. Мама, Ленка, я вас люблю.

«Все» наступило, но как-то незавершенно. Оно длилось и длилось, в смысле я как будто зависла в нигде, и окончательного выключения разума никак не наступало. Наоборот, ко мне словно начали возвращаться некие чувства. Слух уж точно, хотя, возможно, это и были уже какие-нибудь посмертные галлюцинации.

«Гос-с-с-подарка-гос-с-с-подарка наш-ш-ша приш-ш-шла», – зашумело или, скорее уж, зажурчало, почти как тогда под душем прямиком у меня в мозгах. Едва слышно, бесполо, но почему-то мне почудилась радость в этих словах. Которых вполне может и не быть.

«Приш-ш-шла-а-а-приш-ш-шла, с-с-спать-почива-а-ать до тепла, до вес-с-сеннего с-с-солныш-ш-шка». Уже погромче и отчетливее и да, совершенно точно с радостью. Если можно говорить «точно» о глюках утопающей.

Чего? До какого еще весеннего солнышка? Конец ноября на дворе!

«Ус-с-сни, ус-с-сни, ис-с-сцелис-с-сь, изменис-с-сь, угомонис-с-сь», – продолжало, а точнее уж, продолжали нашептывать в моей голове. Потому как этот звук более всего напоминал целый хор шепотков. И еще меня стало мягко-мягко так покачивать, на самом деле успокаивая и утягивая в состояние холодного безразличия. Все, что произошло только что, осознание, что я умерла или умираю прямо сейчас, каждое событие моей жизни, лица знакомых и родных плавно, но неумолимо стали удаляться, или вернее уж, растворяться, как акварельные рисунки, упавшие в текучую воду.

А почему в текучую? Разве я говорила так? Скорее уж, в проточную. Откуда взялось это «текучая»? Это не мое... не мое... не мое... Не. Мое!

– Не хочу я засыпать! – закричала я в своей голове. – Не хочу уgomониться! Мне наверх надо! Я жить хочу! Наверх!!!

Последнее я прямо-таки проорала, ощутив, как ледяная вода заполнила легкие.

«Гос-с-сподарка...» – зажурчали мне в ответ уже испуганно, опять цепляясь этим вкрадчивым звуком мне в мозг, но я уже не собиралась поддаваться.

– Наверх! На сушу! – приказала то ли самой себе, то ли этим шептунам и с новой, невесть откуда взявшейся силой заколотила руками и ногами. Причем силы этой было много, кончаться она не собиралась, да и понимание, куда плыть, появилось. Я снова видела свет где-то там впереди, смутно, но, однако же, этого было достаточно для ориентира.

«Гос-сподарка-а-а, не ос-с-ставь! Не покинь с-с-нова в безмолвии!»

Кого, кого, блин, я не должна покинуть?

– Отпустите!

«С-с-слыш-ш-шать поклянис-с-сь!»

– Да кто вы такие, чтобы я вам клялась!

«С-с-служить будем! Верой и правдой! Только не откажис-с-сь!»

– Не откажусь!

«Клянис-с-сь!»

– Сначала вы! – Откуда это взялось-то в голове?

«Клянемс-с-ся с-с-служить! Каждой каплей живой клянемс-с-ся!»

– Клянусь вас слышать, кто бы вы ни были! Наверх!

Вода вокруг будто уплотнилась, обхватила меня повсюду, как если бы десятки крепких рук подхватили меня и понесли. Сомневаюсь, что могла адекватно оценивать время, но показалось, что уже через долю секунды я очутилась на поверхности. А еще через мгновение вода отхлынула, оставляя меня на камне, в который было заключено людьми русло ре-

ки в городе. Налетел пронзительный ветер, и мне снова стало холодно. Гораздо, гораздо холоднее, чем раньше, просто адски. Я едва могла шевелиться, мокрая одежда сковывала движения и липла к замерзающему телу, не позволяя от себя избавиться. А мне ведь нужно еще вскарабкаться обратно к парапету, чтобы позвать хоть кого-то на помощь. Вряд ли меня услышат отсюда. Но мышцы каменели, обувь исчезла, босые ноги скользили по камням, и все усилия пропадали даром. Где-то наверху грохнуло. Кто-то петардами балуется, пока я тут замерзаю насмерть? Раздался невнятный визгливый женский вопль, еще один, и снова грохнуло.

– Помогите! – прохрипела я, ломая ногти в попытке уцепиться за щели между камнями. Набрала воздуха побольше и сил и заорала: – Помогите! Я здесь!

– Людмила? – раздался сверху мужской голос. – Живая.

Волхов. Зашуршало, и через секунду он был рядом со мной. Встал на колени и уперся ладонями в гранитные плиты, за которые тщетно цеплялась.

– На спину мне, живо! Обхватите шею и держитесь крепче!

– Я... не знаю, смогу ли держаться, – честно призналась, неловко забираясь, однако, на него.

– Я тебе не смогу! Живо обняла меня крепко и страстно, как любимого! – рывкнул он, и я подчинилась.

Его тело подо мной напряглось и рвануло с места вверх по крутому, почти отвесному склону. В какой-то момент, уже

перед самым парашютом, мне показалось, что не удержусь и сорвусь обратно в воду. Но я ошибалась. Майор перемахнул со мной на мостовую набережной и скомандовал:

– Отпускай, Люда!

Но черта с два я смогла расцепить окоченевшие вкрай руки. Мужчина сам разогнул мои деревянные пальцы, у меня хлынули слезы от режущей боли в них, и я рухнула на брусчатку – ноги не держали.

– Терпи! – приказал он и подхватил на руки. – У меня машина тут в двух шагах. Прижмись давай!

– Про...промокнешь... – проикала я.

– Делай что сказал! – добавил Егор строгости в голос.

Я снова послушалась, и он сорвался в бег, таща меня перед собой. Ветер тут наверху лютовал еще больше, как если бы мстил за что-то. Меня заколотило крупной дрожью, зубы лязгали так, что я то и дело прикусывала язык, но боли не ощущала, только вкус соли.

– Сейчас, – пробормотал майор, ставя меня на асфальт, чтобы достать из кармана брелок и разблокировать дверь. – Быстро внутрь!

Быстро у меня не вышло, но кое-как залезла на сиденье, а он уже сидел на водительском и завел двигатель.

– Согреем мигом, – Волхов наклонился так, что почти улегся мне на колени, и принялся рыться в бардачке. Выудил флягу, сел ровно, развернулся и скрутил крышку.

– Ротик открываем, Люда! – отдал новый приказ и властно

обхватил мой затылок, одновременно поднося горлышко к губам.

С первого глотка я не почувствовала ничего, только с третьего стало казаться, что он мне чистый терпкий огонь льет в рот. Я дернулась, но Егор удержал, вынуждая еще глотать. Когда отпустил, я зашлась в кашле, а как продышалась, тепло стало стремительно расходиться по окоченевшему телу, а майор рулил по улицам.

Сиденье подо мной быстро нагрелось, горячий воздух дул в грудь и лицо, в голове поплыло и зашумело, но мокрая одежда все равно не позволяла согреться.

– М... мне нужно п... переодетьс-с-с-ся, – выдавила сквозь цокотание зубов.

– Нужно. Снимай давай все с себя, – коротко глянул мужчина на меня.

– Что?

– Что слышала. Сними мокрые тряпки, – он затормозил под светофором и резко развернулся, потянувшись за чем-то на заднее сидение. – Вот укроешься.

Он вернулся в нормальное положение, кинув на свое колено клетчатый плед.

– Ну же, шевелись, Люда, или воспаление легких схватишь, – поторопил он.

– Меня могут увидеть, – буркнула я, но принялась раздеваться. Стыдливость легко сдавала позиции перед холодом. Он взрослый мужчина, и что у меня есть такого, чего бы он

еще не видел. Да и на окружающих и их мысли о моем обнажении наплевать, здоровье дороже. Главное, чтобы на телефон никто не снял, как я телесами сверкаю, а то это нынче запросто. Народ такой стал, что умирать будешь, а тебе скорую не вызовут до тех пор, пока вдоволь не наснимаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.